

детективная мелодрама

Галина РОМАНОВА

Любвеобильный
джек-пот

Детективная мелодрама

Галина Романова

Любвеобильный джек-пот

«ЭКСМО»

2007

Романова Г. В.

Любвеобильный джек-пот / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2007 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-21354-2

Лия уже давно махнула рукой на свою личную жизнь. Брак не удался. Бывший супруг оставил после себя квартиру, счет в банке и... право в любое время поплакаться ей в жилетку. Всех-то и радостей было у молодой женщины – съездить на дачу и душевно поговорить со стариком Филиппом Ивановичем, что был ей вместо отца родного. Именно «был» – ведь его убили... А в убийстве обвинили беспризорника Сашку, которого Лия даже усыновить собиралась. Не совершал мальчишка такого зла! Просто в лотерее судьбы ему достался несчастливый билетик – и чужая вина упала на его плечи. Но как это доказать?.. Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-21354-2

© Романова Г. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Романова

Любвеобильный джек-пот

Глава 1

Когда же она все-таки решилась на этот судьбоносный шаг: уйти из инспекции по делам несовершеннолетних?

Дал бы бог памяти... Вот незадача какая, не вспоминалось! Каждый день был наполнен болью и страданием. И вспомнить, когда все это достигло критической отметки, переполнилось, пролилось последней каплей, было невозможно. Или не хотелось...

Лия стояла возле распахнутого окна на своей даче и безо всякого интереса наблюдала, как с глухим стуком шлепается о землю желтобокая антоновка. Шлепнется и тут же отпрыгнет, а потом катится в пожухлую траву. Их много уже было там, в траве – огромных, душистых яблок, десятка три, никак не меньше. Надо бы собрать. Варенье сварить или повидла. Но тут же вставал резонный вопрос: для кого?! Для кого все это варить? Сама не охотница до подобного рода сладостей. Мужа нет, детей тоже. Родственники за сотни километров. Да и глупо было бы рассылать им банки с яблочным повидлом. Всего этого в магазинах в изобилии.

Раньше варила...

Варила и кормила голодных оболтусов, которых вылавливали патрульные по вокзалам, притонам и подвалам. И яблоки им носила. Намочит целую корзинку, выставит на подоконник и скармливает. И пирожки с яблоками пекла. И даже как-то пыталась мармелад сделать. Ничего получилось, похоже. Смели за два дня.

Урожайными они тогда оказались, эти дни. Человек пятнадцать парни из отдела привели. Один другого краше. Кто босиком, кто в кедах размера на три больше. Оборванные, грязные, голодные. Сначала с ней познакомились, потом под конвоем пошли в приемник-распределитель. Лия следом явилась туда с банками этого мармелада и тремя батонами под мышкой. Наворотила с педагогами бутербродов и не успела на тарелки разложить, как ребятня их тут же с разделочных досок похватила.

Ох, дела твои, господи, тяжкие!

Где же это видано, чтобы свое родное дитя бросить на произвол судьбы?! Отвернуться от протянутых к тебе крохотных рученок?! Отпихнуть, бросить, не откликнуться. Она бы таких родителей...

Ладно, не в ее это силах, да и не в ее полномочиях теперь. Сама так решила. Сама ушла. Сама же потом и страдала, проревев неделю. Но что сделано, то сделано. Теперь она свободна от чужого горя. Оно больше не берedit ей душу. Не щемит сердце, да и по ночам стало чуть лучше спать. Правда, не всегда...

Живет сейчас в просторной двухкомнатной квартире, с огромной кухней, огромной ванной и просторной прихожей. Имеет солидный счет в банке. Процентов с этого счета ей вполне на жизнь хватает. Может позволить себе и косметический салон, и одежду приличную. Раз в год выезжать куда-нибудь. Не ездит, правда. Не хочется почему-то. Сюда вот, за город все чаще направляется. Садится в машину и едет на свою дачу.

Это ведь единственное, что осталось ее личным и неприкасаемым. Все остальное...

Все остальное досталось при разводе, потому и не любилось так, как этот древний деревянный домишко с десятком стареющих яблонь за ветхим забором. Здесь ей было вольготно и спокойно дышать. Хотя и на голову иногда через худую крышу капало, и в щели задувало, и печь капризничала, начиная вдруг ни с того ни с сего дымить нещадно. Пускай... Зато это все ее, личное...

– Лийка! Дома ты, али где?

По деревянным ступенькам прогромыхали кирзовые сапоги, и через минуту в переднюю половину дома, что служила кухней и столовой одновременно, ввалился сосед.

– На вот, отцеживай. – Он взгромоздил на ее обеденный стол, накрытый белоснежной скатертью, подойник с парным молоком и с необъяснимой строгостью в голосе спросил: – Хватит тебе двух литров-то, поди? Али три возьмешь?

– Хватит, – успокоила его Лия и погасила улыбку.

За этой показной строгостью скрывался добродушный нрав. Сколько бы ни хмурил сосед брови, сколько бы ни покрикивал, она-то знала, что он милейшей души человек. И давно и преданно его любила. И прощала ему многое.

И густую удушливую пелену махорочного дыма, которым тот занавешивал ее столовую, усевшись в уголке на старенькой деревянной табуретке. Мягкие стулья с высокими спинками сосед намеренно игнорировал. Не считал это хорошей мебелью. А вот табуретку... Табуретку ее любил и ремонтировал, когда та начинала рассыхаться и поскрипывать под ним.

И матерщину отборную Лия ему прощала. Морщилась, похлеще чем от махорочного дыма, но терпеливо сносила.

И даже вот этот подойник, что сосед день за днем водружал на ее скатерть, прощала тоже. Не скажет же она ему, что днище у подойника грязное, потому как на земле только что стояло. И что скатерть она только что постелила...

Ерунда все это. Мелочи даже не житейские, а мелкие бытовые, исправляемые одним взмахом ее руки.

А вот если бы она его обидела когда, разве это исправить?..

– Какие в деревне новости, Филипп Иванович?

Лия сняла с перевернутой банки сухую марлю. Перевернула, набросила на горлышко марлю и стала цедить молоко. Тонкая струя, маслянисто поблескивая, перетекала в банку, вздыбливаясь пышной пеной.

Хорошее было молоко у его коровы. Жирное, сладкое, без посторонних запахов и привкусов. Лия и творог из него делала, и сметану научилась готовить. Это ее уже Филипп Иванович научил, проворчав неделю на предмет ее неумелости.

– Корову-то для кого держу, Лийка?! – кричал он, вспоминая такую-то мать через слово. – Мне, что ли, она нужна? Я-то один, на кой мне! Для вас и держу, для дачников. Тебе вот несу. Потом Скоковым, Малютиным. Ребяенок у них маленький. Дык и то молодуха управляется с молоком-то... А она простоквашу в ведро! По ручищам бы тебе надавать...

И пришлось ей учиться снимать с молока сливки, сквашивать в сметану, заваривать творог, и даже сыр готовить. Потому что хозяйка его покойная такой сыр варила. И любил он не столько сам сыр, сколько воспоминания о нем. Лия и варила. И угощала соседа потом. Поила чаем. Намазывала на ломоть белого хлеба щедрый слой масла и укладывала сверху толстенный кусок сыра.

Больше ничего он за свое молоко брать не желал. Денег не брал. Помощи не просил. Подарков не принимал. А вот чайком побаловаться, да с сырком, красотища же! Либо сырников из своего же творога, да со своей же сметанкой. Чем не угощение?!

– Чего яблоки-то пропадают, Лийка? – Филипп Иванович полез в карман широких штанов за махоркой. – Людям бы отдала.

– Пусть берут. – Она неуверенно улыбнулась, мысль предлагать кому-то яблоки как-то не приходила ей в голову. – Мне не жалко.

– Дык не каждый через забор полезет, голова! – воскликнул Филипп Иванович с возмущением.

Положил на одно колено клочок бумаги, на второе кисет. Зачерпнул заскоружлыми пальцами щепотку махры и потрусил над бумагой. Затем неспешно затянул кисет затертым шнурком. Свернул козью ножку, сунул себе в рот и лишь тогда затолкал кисет обратно в карман.

Лия молчала, не смея нарушать ритуал своими неделовыми предложениями. Да ей и предложить было, собственно, нечего. Собирать яблоки в корзины было некогда. Сегодня к вечеру она собиралась вернуться в город.

С раннего утра на ее мобильный начали поступать звонки. Сначала позвонили из банка, для чего-то понадобилось ее немедленное присутствие.

Бывший муж тоже звонил, канючил что-то о том, что измотался и устал и что ему просто необходимо с ней встретиться. Ну, здесь было все ясно. Очередная верхивостка оставила его с носом и изрядно опустевшим кошельком, и ему срочно понадобилась бывшая жена в качестве жилетки, в которую ему непременно приспичило поплакаться. Что же, примет, накормит, пожалеет, поговорит. С нее не убудет. К тому же это, в конце концов, ее долг. Она его оставила, устав от семейного быта, а не он ее.

А потом вдруг позвонила давняя приятельница, с которой не виделись лет пять, если не больше. Позвонила и пригласила к себе на юбилей. Отказать Лия постеснялась, та так просила...

– Собрать, что ли, яблоки-то? – спросил Филипп Иванович, пыхнув сизым дымом в ее сторону. – Вижу в город наострычилась. Дела, что ли?

Она кивнула с улыбкой. Достала из старого буфета чистую трехлитровую банку и начала цедить оставшееся в подойнике молоко. Кому он его снесет, Лия не знала. Просто делала так всегда. Он никогда, правда, об этом ее не просил, но всегда бывал признателен, что она все процедит, банку потом помоеет, марлю простирнет. И подойник ему ополоснет. Ему-то когда? Да уж и умотался он за столько годов, это же бабье дело с банками и ведрами лагастаться...

– Сам, поди, позвонил, так? – Филипп Иванович спрятал хитрющие глаза в глубоких морщинах. – Знаю, можешь не говорить ничего. Позвонил. Опять какая-нибудь шалашовка его вокруг пальца обвела? Вот мужики пошли, а! Дурь же одна в мозгах-то! Хватают, что ни попадя, и давай перья распускать. И ведь понимают, что, окромя денег, ничего от них никому не нужно, а все одно... Дурачье – одно слово... Днем-то управисься?

В последнем вопросе зазвучала явная тревога, и Лия снова спрятала улыбку.

Волнуется, что она надолго зависнет в своей городской квартире. Он ведь тоже любит ее. Любит и переживает, и скучает еще. И чаем ее с валериановым корнем поил, когда она здесь раны свои зализывала после увольнения. Покрикивал, а жалел. По-мужски, грубовато, но жалел.

Лия вздохнула. Она тоже не любила уезжать отсюда надолго. Трудно было сказать, где она проводит больше времени: здесь или в городе. Чуть задержится, а душа уже болит. Как он там, один?

Филипп Иванович стал почти родным. Хотя почему почти? Он еще с ее бабушкой и дедом соседствовал, что воспитывали ее и поднимали. И жизнь ее знал, как свою, и болячки ее все, даже детские, помнил наперечет. И замуж помогал ее отдавать. А когда развелась, снова ее жалел. Поругал сначала для порядка, а потом пожалел.

– Я не знаю, Филипп Иванович, – промямлила она виновато. – Муж явиться обещал.

– Ну! Я же и говорю! Это завтра, а чего же еще-то? – Он беспокойно заерзал на табуретке, та тут же отозвалась визгливым старческим скрипом.

– Давняя приятельница пригласила на день рождения. Даже не знаю, идти или нет. Вроде пообещала, а не хочется. – Лия пожала плечами, отошла к двухконфорочной плите, чиркнула спичкой, зажигая газ, и поставила чайник.

– Сходи! Сходи непременно, Лийка! Глядишь, и подхватишь там себе кого-нибудь. Это надо же – в тридцать неполных лет в монашках сидеть.

Он точно обрадовался. Она могла поклясться, что обрадовался. Идея выдать ее замуж и умереть преследовала его последние несколько лет. Она его уговаривала не забивать себе голову еще и такими проблемами и жить независимо ни от чего, он не слушал.

– Вот выдам тебя замуж за хорошего человечка и помру тогда, – мечтал Филипп Иванович, без устали пыхая махоркой. – Дом на тебя подпишу, Лийка. Потому как нету у меня, кроме тебя, никого, девка. Только ты... А жить я устал, Лийка. Очень устал. Измотался я. Да и по бабе своей соскучился. Небось ждет меня там, злится, что задерживаюсь. А как я уйду?! Ну, как?! Душа-то за тебя болит! Ты же одна, как перст. Обидеть любой сможет... без меня...

В такие моменты Лию отчаянно душили слезы. И броситься хотелось ему на впалую старческую грудь, и разрыдаться от счастья горького, как полынь. Не одна она! Не одна, но надолго ли?!

– А может, я не пойду, а, Филипп Иванович? – Она с надеждой уставилась на старика, пытаюсь рассмотреть выражение его лица в дымовой завесе. – Чего мне там? Люди все чужие. Мы и с приятельницей уже давно не виделись. Чего я пойду к ней?

– Нет, не открывайся. – Он погрозил ей из своего угла гнутым артритным пальцем. – Ступай, и не раздумывай. Удумала чего! Не пойдет она! Станешь до сорока лет меня возля этих яблоков караулить? Так не укараулишь, Лийка. Пойду о порог споткнуся и сдохну. Так вот, девонька... А ты одна останешься. Нет, нет, ты все же сходи.

– Ладно, схожу. Обещаю! – Лия приложила руку к сердцу и склонила покорно голову. – Не вру. Точно схожу. Чего нового по деревне болтают, Филипп Иванович?

– Хм-м, по деревне-то... Всякого болтают... Банда какая-то объявилась, во! – Филипп Иванович сильно затянулся, тут же подавился дымом и закашлялся.

Кашлял долго и натужно, жмуря глаза и отчаянно мотая головой. Лия через секунду стояла наготове рядом с ним с кружкой ледяной воды в руках. Соседу ничего больше не помогало, только вода ледяная. Напьется, и кашель сам собой затухает.

Все повторилось, как всегда. Кружка родниковой воды сделала свое дело. Филипп Иванович прокашлялся, затих и сидел какое-то время зажмурившись. Потом пару раз коротко пробно вдохнул, выдохнул и проговорил:

– Ты на ночь-то теперь запирайся, Лийка.

– А что так? – Она выплеснула воду в цветочный горшок, вымыла и убрала кружку в буфет. – Хулиганят?

– Как бы так! Бабы возле родника сегодня поутру болтали, будто бы банда какая-то объявилась в округе.

– И чем промышляет эта банда? – Лия не хотела, да улыбнулась, бабы у родника болтали каждый день и болтали много чего. – Горшки с плетней воруют?

Деревня была мирной, поэтому она сюда и любила приезжать. Мало кто на ночь запирает двери. Лия так никогда. Филиппа Ивановича пару раз прихватывал сердечный приступ такой силы, что он только что и смог перевалиться через ее порог и упасть тут же. А уж чтобы достучаться до нее ночью, и разговора нечего было вести. Так и умер бы перед ее запертой дверью. А теперь вдруг запирается! С чего бы это?!

– Никакие ни горшки они воруют! Смешки все тебе! – проворчал он и вдруг ухватился рукой за левый бок. – Что-то печет и печет с утра.

– Ну вот! – Лия сразу расстроилась. – А говорите, на день рождения мне идти! Как же я вас одного оставляю?!

– Ничего, не сдохну, не боись! – Он прикрикнул, но, правда, без былой уверенности. – Справлюсь. Микстуру твою вонючую выпью, ежели что... А банда-то уже двоих убила, во как. А ты горшки! Тут дело не в горшках, Лийка. Тут кое-что похуже.

– Как убили?! Кого?! Тут же всегда так тихо было... – Она растерялась и, чтобы скрыть это, принялась хлопотать у стола. – Дети гуляли одни. Двери никто не запирает. Вещи сушили

на веревках. Коровы гуляют, будто кошки беспризорные, никто не зарится. И вдруг убийство!.. Кого убили, Филипп Иванович? Где?

Оказалось, что все это злодейство произошло в соседних деревнях. Убиты две пенсионерки преклонного возраста, причем с особой жестокостью. Женщин долго пытали. Их старые пожитки потом выбросили на улицу и сожгли, поэтому установить, было ли совершено преступление с целью ограбления, оказалось практически невозможным. Оба случая были схожи по почерку, поэтому милиция небезосновательно предполагала, что совершены они одним и тем же человеком или группой лиц.

Но это для милицейского протокола преступники являлись группой лиц, для баб же у деревенского родника они мгновенно заделались бандой. Страшной, беспощадной, истребляющей пожилых женщин бандой.

Было от чего испугаться и задуматься.

Лия слушала рассказ соседа внимательно, время от времени задавая вопросы. Филипп Иванович разьяснял охотно. Пускай и считал ее неудельной в плане личной жизни и недовитой в вопросах ведения хозяйства, но уж в милицейских сыскных вопросах, по его словам, равных Лии не было. Могла враз преступника вычислить, хоть и валандалась долгие годы с одними лишь пацанами.

– Никого я вычислять не собираюсь! – тут же воскликнула она. – Давайте лучше чай пить. И забудем обо всем. В конце концов, произошло это почти в сорока километрах отсюда. А вторая деревня, так и еще дальше. Сюда, возможно, никто и не сунется. Идите к столу...

Филипп Иванович протрусил к столу с табуреткой наперевес. Сел, пододвинул к себе поближе свою любимую поллитровую кружку с чаем и тут же потянулся к бутербродам с домашним сыром. А Лия еще и ватрушек с утра успела напечь в электрической старенькой духовке.

Это тоже часть ее личного, с чем ни за что и никогда она не собиралась расставаться. Была еще русская печка вполдома, щипцы для колки сахара, старый самовар, который они с соседом летними вечерами растапливали еловыми шишками, и огромная панцирная койка с блестящими шишечками. На койке, под хрустящей накрахмаленной простыней вытянулась толстенная цыганская перина. До самого пола свисал кружевной подзор, а на вышитом бабушкой шелковом покрывале дыбилась гора здоровенных подушек. Таких здоровенных, что Лие приходилось самой мастерить наволочки на них. В продаже таких не было.

– Может, оно и так, – вдруг нарушил тишину Филипп Иванович. – Может, и не доберутся они до нас-то! Полста верст, это не два метра. Тока я почему с тобой весь этот разговор веду, Лийка... Это вроде как по твоей прежней части дело-то... Бают, будто бы детвора там была.

– Какая детвора?! – Она непонимающе вытаращилась на соседа, забыв дожевать кусок ватрушки, так и застыла с оттопыренной щекой. – Где же, где была?!

– Убивцы, бают, дети, во как! – Сосед долил себе из чайника кипятку, кинул в чашку пару кусков сахара, плеснул заварки и, громко колошматя ложкой о фарфоровые стенки, принялся размешивать.

– Как дети?? Чьи??

Это был самый резонный вопрос за последние минуты. Раз дети, значит, чьи-то. А чьими они могут быть? Может, как раз тех самых пенсионерок? Охотники до наследства или что-то в этом роде. А раз старушки зажились, почему бы им не помочь, но... Но как же так можно?!

– Кто же их знает, чьи они? – Сосед поднял на нее от края кружки суровый осуждающий взгляд. – Знали бы, давно поймали. Банда, говорю, из детей одних. Во такого роста, глянь!

Лия проследила за его ладонью, поднявшейся над полом на метр двадцать, никак не больше. И едва не подавилась все тем же куском ватрушки, что пыталась, не разжевав, проглотить.

– Дети?! Убийцы?! Вы ничего не путаете? – Она отхлебнула остывшего чая, прочистила горло, пару раз кашлянув, и снова спросила: – Вы точно ничего не перепутали? Дети-подростки совершили злостное убийство, сожгли имущество и...

– Два! – Филипп Иванович поднял кверху средний и указательный пальцы правой руки. – Два убийства, Лийка! И дважды пожгли бабье тряпье и что-то из мебели.

– Ох, дела твои тяжкие, господи!

Лия перекрестилась. Бабушка все время учила ее креститься, к вере в бога приобщала, добру учила.

– В этой вере, – говорила она, – нет ничего дурного. Кроме хорошего, она ничему больше и не учит. Не убей... Не укради... Разве плохо этому следовать?..

Лия верила и не верила, но когда приспичит, крестилась. Сейчас был как раз тот самый случай – приспичило.

Чтобы дети такого возраста и совершили убийство?! За свою практику она повидала многое, но такого – никогда. Воровали, дрались, пили, кололись, бывало, что и калечили, но чтобы убить, пытать... Нет, с таким она не сталкивалась точно.

– Филипп Иванович, ну вот как я вас тут одного оставлю?! – воскликнула она с чувством, положила свою руку на рукав его старенького в заплатках пиджака. – Видите, что творится!

– Потому и говорю уезжай, дурья голова! – Сосед осерчал и ладошку ее стряхнул со своего рукава. – Мужиков-то не трогают, просекаешь? Бабы одни страдают! А ты одна ночью, да дверь не запираешь. Поезжай ты, Лийка, от греха подальше. А я тут управлюсь и один. А будешь приставать, в Дом уйду, так и знай!..

Его угроза уйти в Дом престарелых была самой страшной угрозой. Он прибегал к ней не часто, но, прибегая, казался на редкость убедительным. И она ведь верила ему и страшилась того, что он может свою угрозу когда-нибудь осуществить.

А что ему могло помешать, собственно? Их давнее и дружное соседство? Так это не повод. Она же не всегда тут живет. А зимой так и вообще не часто. Теплые и доверительные отношения? Так и там их можно поддерживать.

Это Филипп Иванович ей так всегда аргументировал свое решение уехать из деревни.

А Лия всегда злилась: как он не понимает, что она уже без него не проживет. Без его неуклюжей мужицкой заботы. Без его брани и махорки. Без его добрых сочувственных глаз и хитрой улыбки, которую он умудрялся прятать так, что ни в жизнь не догадаешься: улыбается он или морщится от боли.

– Значит, вы хотите, чтобы я уехала в город? Так я поняла? – Она нарочно сделала вид, что обиделась. – И не возвращалась подольше? Так?

– Ты губы-то, Лийка, не дуй. – Все ее ужимки он видел насквозь. – Сиди там и не прыгай, пока я тебе команды не дам. Сиди на попе ровно, поняла?

– Поняла, – буркнула она недовольно. – И сколько мне там сидеть? Год, два, три? Я там зачехну в своей квартире. Да еще эти соседи...

Историю про ее соседей Филипп Иванович знал назубок. И посмеивался над ее возмущением. Прожила бы, говорил всегда, ты со своим мужем не один десяток лет бок о бок, не такого бы наговорили друг другу. Но Лия ему не верила и каждый раз, возвращаясь с городской квартиры на свою дачу, рассказывала ему все новые и новые истории про супругов Кариковых.

– Соседи тебя волновать ну никак не должны, – проворчал Филипп Иванович и снова вдруг полез в карман за кисетом. – Будешь спорить со мной, щас снова закурю.

Лия спорить не стала. Первая его самокрутка закончилась долгим судорожным кашлем. Никто не знает, чем может закончиться вторая. Лучше уж она перетерпит и смолчит. А вернется сразу же, как отпразднует день рождения давней приятельницы.

– И не вздумай приехать раньше времени, коза, – погрозил ей пальцем Филипп Иванович, безошибочно разгадав ее хитрую молчанку. – Телефон у меня есть, так что звони.

Мобильный она подарила ему в прошлом году к юбилею. Он долго отбрыкивался и ругался, но подарок взял, потому как Лия пригрозила, что расплатится. Ее слез он не терпел, и стоило ей расплакаться, тут же терялся и становился похожим на большого неуклюжего ребенка. Трусил за ней по хате с кружкой воды, платком носовым или грелкой, и все приговаривал и приговаривал что-нибудь нескладное и доброе.

Телефон-то он взял, но пока что еще не ответил ей ни разу. Сколько она ни билась, трубку в руки Филипп Иванович не брал.

– Дык, раздавлю я эту игрушку блестящую, – объяснялся он потом ей с самым виноватым видом. – Покрупнее-то нету? Уж больно хрупкая...

Но Лия небезосновательно полагала, что отмалчивался Филипп Иванович намеренно. Чтобы она, значит, быстрее возвращалась. Чего можно по телефону решить, да еще когда тот словно сумасшедший секунды отсчитывает да деньги крутит? А так, за столом, да под самовар...

Надо же, а сейчас сам ее отправляет, и даже про телефон вспомнил. Наверное, действительно дела серьезные творятся в районе. Надо будет позвонить бывшим коллегам и подраспросить что и как. По старой дружбе не откажут в услуге, просветят.

Оставшееся перед отъездом время Лия перетаскивала из своего дома к соседу приготовленную для него еду. Знала, что едет на пару дней, потому и наготовила. Щей из свежей капусты наварила кастрюлю. Картошки сделала с тушенкой. Ватрушки, что остались от утреннего чаепития, сложила в эмалированную миску. Расставила все по полкам в крохотный его холодильник. Ватрушки на столе оставила, накрыв чистым полотенцем. Выслушала его пятнадцатиминутное ворчание на тему: куда ему одному столько, и за неделю не съесть, и пропадет только. И через полчаса уехала.

Глава 2

Дом, в котором ей в качестве отступных купил квартиру ее бывший муж, располагался в самом центре города и относился к так называемым элитным новостройкам. В их доме, на самом верху даже пентхаус имелся, но кто там обитает, Лия не знала. Ей это было неинтересно.

Еще имелся подземный гараж с лифтом. Шлагбаум перед въездом во двор, ухоженная растительность и разбитная консьержка. Но это, правда, только в их подъезде. Как дело обстояло в двух других, она не знала. Хотя и интересовалась неоднократно, всем ли так повезло, как им, или нет.

Этой молодой дамочке с внешностью увядающей оперной певицы – в наличии имелись пышный бюст, выдающееся лицо с крупными надбровными дугами и глубокий сильный голос – ничего не стоило, к примеру, начать интересоваться у нее подробностями их с Мишаней развода. Мишаня был бывшим мужем Лии. Или начать стрелять у нее денег до полочки. О сигаретах разговор был особый, их Лия таскала в сумочке исключительно для нее. Сама курила редко, только в моменты глубокого душевного дискомфорта. Правда, после общения с консьержкой Надин ее частенько на это тянуло. Сдерживалась...

Консьержка по имени Надин, это она так всем представлялась, встретила ее сегодня на редкость умиротворенной и не особо разговорчивой. Обошлась короткой сплетней про жильца из соседнего подъезда, о котором Лия не имела ни малейшего представления. Повышением цен на бензин. Завозом новой партии товара в местный конфи-сток. И под занавес о том, что Кариковы с утра бранятся.

Лия едва не застонала вслух, услышав предостережение.

Дела были плохи. Если Кариковы начинали с утра, то к обеду их скандал постепенно набирал обороты, к вечеру достигал апогея, а заканчивался обычно глубокой ночью дракой или битьем посуды. Причем сор они обычно предпочитали выносить из избы, то есть, начиная за закрытой дверью, завершали все это дело на лестничной клетке.

Лия давно бы спровадила их дней этак на десять в кутузку, для профилактики, так сказать. Но дело осложнялось тем, что Кариковым было по семьдесят лет каждому, раз. И то, что в родстве эти двое имели сына-придурка. Придурком его опять же окрестила Надин. Лия от подобной категоричности воздерживалась, но великовозрастного чада Кариковых откровенно побаивалась. Был он весь какой-то огромный, нескладный и жутко некрасивый. К тому же сынок имел в активе три судимости, нигде после отбывания последнего срока не работал и периодически принимал участие в родительских разборках. При этом принимал то одну, то вторую враждующую сторону, чем вносил еще большую смуту.

Каким образом удалось Кариковым заполучить себе квартиру в дорогом элитном доме, для Лии оставалось загадкой. Мишаня неоднократно вызывался навести по этому поводу справки, но дальше обещаний дело не шло. Да и Лия не настаивала.

Двери лифта с осторожным шипением разъехались в стороны, и Лия с опаской вышла на лестничную клетку. Было относительно тихо. Отголоски скандала витали где-то далеко в квартире Кариковых. Сейчас нужно осторожно, не производя лишнего шума, открыть свою дверь. И поскорее за ней скрыться. Если Кариковы уловят ее присутствие, тут же вырвутся на лестничную площадку, как черти из табакерки, и начнут призывать ее в свидетели.

Лия даже представить себе не могла, чем заслужила подобное доверие со стороны неугодных супругов. Другого соседа, что жил слева от них, они никогда не трогали. Ей же, без ее на то согласия, отвели роль третейского судьи. Чему она всегда категорически противилась и с поразительной виртуозностью иногда увиливала. Но попыток Кариковы не оставляли.

В квартиру она вошла почти беспрепятственно. То есть был один момент, когда Лия откровенно струсилась. Но страхи оказались напрасными. Дверь приоткрылась у соседа напротив. Приоткрылась и тут же захлопнулась. А она-то уж думала...

Лия закрыла свою дверь почти без единого звука. Дважды повернула ключ в замке и только тогда смогла выдохнуть с облегчением. Вот уж никогда бы не подумала, что будет так страдать от шумного соседства двух пожилых пенсионеров. А ведь страдает, да еще как! И не она одна! Бедная Софья Николаевна, что живет прямо под Кариковыми, раз в неделю делает демонстрационные походы в местное домоуправление с перевязанной головой. Не помогает.

Лия поставила свою сумочку на тумбочку под зеркалом. Стащила с себя тонкую кожаную куртку, свое очередное бесполезное – на взгляд Филиппа Ивановича – приобретение, и аккуратно пристроила ее на плечиках в шкафу в прихожей. Никогда она не научится с шиком швыряться дорогими вещами, никогда. И понять никогда не сможет, как это можно сбросить с плеч дорогую норковую шубу прямо себе под ноги у порога и шагнуть через нее.

– Барство это, Мишаня, – пеняла она своему бывшему, когда тот заваливался на ее диван в штучном пиджаке.

Мишаня никогда ее не понимал, чаще обижался. Уезжал и не звонил потом месяца два. Лия не роптала, ей было все равно.

Она прошла на свою кухню и пристально оглядела ее прямо с порога. Если ее бывший являлся сюда в ее отсутствие, а он мог, значит, должен был быть оставлен какой-нибудь след. Либо крошки на столе. Либо забытый ломтик хлеба с сыром. Или стакан из-под вина не на своем месте. Мог оставить и мокрое скомканное полотенце в ванной...

Нет, на этот раз, кажется, все по своим местам. До нее доехать он еще не успел. Зализывает раны в своем особняке за городом. Там когда-то жила и Лия. Не выдержала, сбежала. От чего конкретно сбежала, и сама не знала. То ли не смогла играть роль праздной роскошной женщины, а Мишаня ежедневно этого требовал. То ли не смогла играть роль именно его женщины, а он и этого требовал, что логично – она же жена. То ли еще какая причина имелась, очень-очень скрытая и очень-очень глубоко в подсознании. Так глубоко, что ни один психоаналитик, а Мишаня без устали ее к ним таскал, не сумел оттуда извлечь. Один Филипп Иванович, занавесившись сизым дымом, как древний мудрый джинн, безошибочно угадал причину.

– Любила бы ты его, Лийка, по-настоящему, ни за что бы не сбежала. И жила бы с ним все равно где, лишь бы рядом. Они вон, твои соседи-то... Бранятся день за днем, сама говоришь, дерутся даже, а ведь рядом всю свою жизнь. А почему? Потому что у них любовь...

Любовь, подобную той, что проповедовали Кариковы, Лия категорически отвергала. Она не знала точно, какой должна быть эта самая любовь между мужчиной и женщиной, но что не такой, как у соседей, в этом была уверена.

В прихожей вдруг ни с чего тренькнул звонок. Она вздрогнула, тут же взглянула на часы над дверью в кухне и растерялась. Звонить в дверь ей было совершенно некому. Мишаня почти всегда открывает дверь сам. Когда забывает ключ, всегда звонит предварительно по телефону. Кариковы – те бесцеремонно молотят кулаками о тонкую благородную сталь. Либо прочно держат палец на звонке, и тот надрывается, доводя ее до бешенства. Надин, если ей что-то нужно, пользуется домофоном.

Тогда кто?..

Осторожно, на цыпочках, словно на лестничной клетке можно было слышать ее невесомые шаги, Лия приблизилась к двери. Глянула в глазок и тут же опешила.

По ту сторону топтался ее почти всегда небритый, вечно хмурый и вечно неразговорчивый сосед из квартиры напротив. С чего бы это?

– Слушаю вас. – Она чуть приоткрыла дверь и глянула на него сердито и без участия.

Общаться с ним совершенно не хотелось. И не хотелось по нескольким причинам одновременно. Но, кажется, он об этом не догадывался, потому что тут же сунул ногу в клетчатом тапке в образовавшуюся между дверью и притолокой щель.

– Есть разговор, – кратко изложил цель своего визита мужчина и в буквальном смысле ввалился к ней в квартиру.

– Что вы себе позволяете? – А что еще могла воскликнуть благовоспитанная женщина в подобной ситуации, не в морду же ему бить. – Как вам не стыдно?! Вы не находите, что...

– Да все я нахожу, Лия Андреевна. – Он толкнул задом ее дверь, и та с мягким щелчком закрылась.

Надо же, он знает ее по имени и отчеству. А она вот не имеет ни малейшего представления...

Ну, живет он и живет себе в квартире напротив. Раз в два дня выносит мусор. Ездит на стареньком «Фольце», который паркует в дальний угол в их подземном гараже. Не имеет ни собак, ни кошек. Женщин и детей, кажется, тоже нет. Она их, во всяком случае, никогда не видела ни входящими, ни выходящими из его квартиры. Даже если учесть то, что она могла бы их и просмотреть, отлучаясь, Надин бы давно ей сообщила, а та молчит. Одинок, стало быть.

Одинок, угрюм и теперь еще, оказывается, и нахален.

– Меня зовут Дмитрий, – проговорил он, скрестив сильные загорелые руки на выпуклой груди. – Дмитрий Игоревич Гольцов.

Слава богу, что не Голицын, почему-то сразу подумалось ей.

– Именно Гольцов, а не Голицын, – угадал сосед из квартиры напротив скороспелое течение ее мыслей. – Это нормальная реакция на мои имя с отчеством и фамилию. Потому я и угадал.

– Мне-то что? – Лия пожала плечами, запоздало вспомнив, что стоит перед ним босиком в одних колготках, она этого терпеть не могла.

– Мне тоже.

Дмитрий, который был Игоревичем, да еще Гольцовым, хотел улыбнуться, но потом, видимо, передумал, да так и застыл с разведенными в разные стороны углами тонких губ. Глядел на Лию недобрыми темно-серыми глазами и молчал.

– Был разговор, – напомнила она, устав любоваться на его вытянутый в нитку рот. – И?..

– Пора с этим завязывать, вы не находите, Лия Андреевна? – пробормотал он, встрепенувшись. Уронил руки вдоль тела и кивнул головой себе куда-то за плечо. – Так больше продолжаться не может. Разве не так?

– Вы о Кариковых?

– Да, о них. – Гольцов глубоко и протяжно вздохнул. – Я все, конечно, понимаю. Возраст пенсионный. Личная жизнь и все такое, но... Мы-то с вами имеем право на эту самую личную жизнь или как?!

От того, как именно прозвучал его последний вопрос, сделалось неловко им обоим. Ей уж, во всяком случае, точно. И Лия тут же струсила.

– Мне никто не мешает, – соврала она бессовестно и малодушно, лишь бы не смел он присовокуплять ее личную жизнь к своей, еще чего... – Пошумят, пошумят, да перестанут. В конце концов, вы знаете закон о неприкосновенности жилища. Не мне вам читать проповеди и...

– Ну, вы же бегаєте от них! – воскликнул Дмитрий Игоревич с чувством и неприязненно на нее покосился. – И от сына их бегаєте. То еще чудовище.

– Ничего я не бегаю!

Лия почувствовала, что краснеет. Вот почему он открывал дверь, когда она вернулась. Он подглядывал за ней. И видел ее осторожную поступь. И осмотрительную аккуратность, с которой она открывала дверь, не мог не заметить. И то, как она запиралась, стараясь не про-

изводить лишнего шума, тоже заметил. Вот еще надзиратель выискался! Надо будет попросить Мишаню подыскать ей другое жилье. Пусть попроще, пусть подешевле, но другое. То от Кариковых ей покоя не было, теперь еще и Гольцов доставать станет. Нет, пора съезжать.

– Вы помните, что Шота Руставели сказал о людях равнодушных? – снова прицепился к ней Дмитрий Игоревич. – О том, что с их молчаливого согласия и все такое.

– Про все такое там не было, – огрызнулась она в сердцах.

Это ее-то упрекать в равнодушии, а! Сам ни разу из-за двери носа не высунул, когда Кариковы полосовались, а ее смеет упрекать! И вообще...

– А почему это я должна выслушивать от вас все это? Я вас вообще знать не знаю и вижу, по пальцам можно пересчитать сколько раз. А вы вваливаетесь в мою квартиру, говорите мне гадости. – Лия потянулась к дверной ручке с вполне очевидными намерениями.

– Я не говорил вам гадости. – Гольцов поймал ее за запястье и слегка сдавил. – Просто хотел предостеречь от беды, которая может случиться.

– С кем? – Лия с силой дернула руку, высвобождаясь, и снова потянулась к дверной ручке. – Мне кажется, вам пора. Ваш визит... Все это очень странно...

Гольцов чуть отступил в сторону, давая ей возможность открыть дверь. И смотрел при этом на нее с противным осуждением.

– Странно, что мы с вами ведем себя как сторонние наблюдатели, Лия Андреевна. На наших глазах разыгрывается настоящая трагедия, а мы с вами просто наблюдаем. Вот в чем странность, не находите? – это все Гольцов выговорил, уже стоя одной ногой на лестничной клетке, второй все еще продолжая придерживать дверь. – А потом начинаем удивляться: почему же и как же... Ах, проглядели... Ах, вовремя не вмешались, а ведь могли бы... Как знаете, я предложил. Всего вам доброго.

Лия захлопнула дверь, стоило его клетчатой тапке убраться. С чувством захлопнула, не остерегаясь. Надин и то наверняка услышала, как она шарахнула своей дверью о притолоку. Завтра непременно спросит, с чего это она так разбушевалась.

Пускай! Пускай послушают! Все пускай послушают! Ишь ты, пришел... Мир ее спасать призывает, мерзавец! А где он был, когда она вместе с милицией голодных пацанов по подвалам отыскивала. И как слезами потом давилась, когда они буханку хлеба рвали друг у друга из рук, как в семнадцатом году, честное слово. Он-то наверняка думает, что всех беспризорников еще Макаренко переловил. И уж вряд ли в его благородные мозги закрадывается мысль о том, что старший брат может насилловать двух своих малолетних сестренок. Что вы! Разве такое бывает?! Это неблагородно так думать! Благородно призывать в соратники женщину, собираясь на баррикады. И уличать ее в равнодушии и малодушии благородно. Уличил и ушел со спокойной душой и чистой совестью. А она... Она равнодушная, трусливая и подлая, получается?

Она разозлилась. Ох, как разозлилась, додумав все это до конца. Принялась ходить прямо, как была босиком – ведь терпеть же этого не могла – по квартире. Бить себя правым кулаком в растопыренную левую ладонь и еще ругаться. Нехорошо ругаться, почти непечатно. Знала, что так нельзя. Что ее воспитание и навязанная ей покойной бабушкой вера в бога этого не позволяют, а все равно ругалась.

За пенсионеров у него душа заболела, мать его перетак-то, а лучше бы сыночком их занялся, что нигде не работает и деньги с них тянет. Они, может, оттого и бьются друг о друга который год. Благородным захотелось заделаться, эти его переети, взял бы да вышел хоть раз на площадку, когда она их кулаки разнимает. Отсидится за дверью, в гроб бы его душу мать, в тишине и неприкосновенности, и все ему нипочем. А ей вон однажды под горячую руку Карикова пришлось попасть, и синяк потом на лбу носить три недели. Кариков, правда, извинялся потом все эти три недели, и служить был готов, как собака верная...

Супруги словно того и ждали, чтобы она о них подумала.

Вывалились на площадку с криками и матерщиной и принялись дубасить друг друга под дружное хлопанье дверей на всех этажах. Что характерно, хлопать-то хлопали, но вмешиваться никто не стал. Гольцов, кстати, из-за своей двери тоже не показался.

Простояв минут пять под дверным глазком, Лия все же решилась открыть дверь. Ее появление сработало словно взмах стартового флажка у черты. Кариков пошел в наступление, Карикова принялась визжать с удвоенным азартом.

– А ну хватит, мать вашу!!! – вдруг как заорет она, сама испугавшись звучного эха, ринувшегося во все стороны с их этажа.

Оно проскакало по всем ступенькам, дзинькнуло в подъездных стеклах, жалобно отозвалось скрипнувшей пружиной входной двери и затихло. Затихли и Кариковы.

Дядя Ваня – его никто и никогда не называл по-другому – вытаращился на нее очумело и со страхом. Всклокоченный чуб седых волос слегка подрагивал. Руки, сжатые в кулаки, сами собой разжались и безвольно повисли по бокам. Его супруга, требующая к себе обращения не иначе как по имени-отчеству, от неожиданности даже икнула.

– Если вы сей момент не заткнетесь оба, я вас... – Лия наклонила голову, словно пыталась их забодать; нет, до такого вот состояния ее надо было постараться довести, так не зверела она уже давно, Гольцов все же молодец, дал бы бог ему смелости и здоровья. – Сегодня же, вечерним рейсом отправлю в ментуру!!! И вас, и сыночка вашего обколотого! И притон его чердачный прикрою!

О том, что их чадо ходило периодически на чердак колоться, знала только она. Вряд ли остальных жильцов дома посещало любопытство на предмет того, что можно делать раз в четыре дня на чердаке их дома. Белья там никто не сушил, чтобы можно было пожить парой-тройкой чужих лифчиков. Коммуникации были в порядке. Да и не стал бы он тяготиться проблемой их содержания. Зачем тогда он туда лазает то и дело?!

Лия отследила пару его визитов. Потолкала потом кончиком старых кроссовок пустые шприцы, что чадо спрятало под трубами отопления, и решила для себя: сдохнет, старикам будет легче. А оно оказывается вон как обернулось! Она оказалась гадкой и равнодушной...

– Если еще раз, – продолжала надрываться она, размахивая руками похлеце Кариковых, те даже в испуге отпрянули к своей двери, – я услышу хоть один вопль на этом вот месте...

Для убедительности она еще и попрыгала по тому самому месту, на котором стояла. Прямо босиком, в одних колготках по бетону... Терпеть же этого не могла.

– Если услышу здесь вот!!! Или, не дай бог, за дверью услышу!!! Звездец вам, короче, поняли!!! Все!!! Быстро по домам!!!

Кариковых словно ветром сдуло. Только что они стояли, оторопело таращась на деликатную и услужливую прежде соседку, и тут же их не стало. Только дверь тихонечко притворилась за ними следом, да замок едва слышно щелкнул. Потом хлопнули еще несколько дверей выше и ниже этажами. Стало быть, буйство ее не пройдет незамеченным, и в глазах общественного мнения она теперь...

Один Гольцов не выглянул, подонок! Пристыдил, втравил и остался незамеченным.

Лия, напрочь позабыв о собственном хорошем воспитании, снова позволила себе небывалую распушенность: трижды мысленно плюнула в его дверь. И, закрывая свою, была уже абсолютно и твердо уверена: там, в этой благоустроенной трехкомнатной квартире живет ее новый, только что приобретенный враг...

Глава 3

Гольцов все это время простоял под своей дверью. Стоял, обливаясь трусливым потом, кто сказал бы раньше, не поверил бы, и смотрел в глазок. Он все видел. И дальше больше, чем видели Кариковы. И он видел, как она – красивая и недоступная – начинает его ненавидеть. Вернее, он уловил это еще раньше, когда стоял в ее утонченной прихожей с белыми стенами, мозаичным полом и изящными тумбочками и шкафом в углу. Уловил, понял, проникся... Только изменить ничего был не в силах. Не мог, к примеру, взять ее за плечи, тряхнуть как следует и сказать, как раньше: «Эй подруга, а ну-ка прекрати считать себя единственно правильно поступающей и ругать всех подряд недостойных, давай сделаем что-нибудь сообща...»

Он этого сделать не мог, потому что сам уже давно ругал всех подряд недостойных; ненавидел весь мир, что повернулся к нему задним местом, и еще считал себя правильным и благородным. Ах, да! Еще незаслуженно обиженным, во!

Иногда в минуты просветления, так он называл одинокие вечера за бутылкой водки, Гольцов вдруг начинал понимать, что он неправ. Что это не мир, а он ото всех отвернулся. И никто, ровным счетом никто не виноват в том, что так все случилось. Ему некого было винить. По пальцам начни перебирать, не нашел бы виновных. Что случилось, то случилось. Как это модно было сейчас говорить: он оказался не в том месте, не в то время. Вошел не в ту дверь, сошел не на той остановке. Что там еще?.. Пожалуй, что и хватит.

Великое же чудо, что жив остался. Ему ведь так потом и сказали. А он не понял. Не возблагодарил судьбу за отвешенный ему кусок бесполезного прозябания. И даже не покаялся. Нехорошо же, Дима!..

Но такое случалось не часто. Имеются в виду и моменты просветления, и одинокие вечера под бутылку водки. Гольцов не любил пить, и уж точно не терпел пить в одиночестве. А на трезвую голову быть справедливым у него не получалось. Никак не получалось. Одна надежда была...

Да, смешно признаваться в этом самому себе, но на эту женщину он начал надеяться сразу, как столкнулся с ней на лестнице. Увидел и вдруг поверил, что вот она, невзирая на сумрачный взгляд и туго сжатые губы, точно что-нибудь сможет сделать с его неказистой жизнью. Расцветить ее как-нибудь, что ли.

То был первый и единственный раз, когда они одновременно понесли к мусоропроводу свои мешки с мусором. Когда он стоял совсем рядом с ней и слушал, как от нее тонко и прохладно пахнет.

Правильнее и честнее сказать, он ее тогда подкараулил. Уловил, как щелкнул ее замок. Увидел в глазок, как вышла она на площадку в тонких светлых брючках в обтяжку, короткой, открывающей пупок красной футболке, и тут же ринулся за ней следом.

Она его даже не заметила. Нет, не так. Заметила, конечно же, и даже поздоровалась, но заметила совсем не так, как ему хотелось бы. Кивнула, отвернулась, бросила свой пакет в разверзшуюся зловонную пасть мусоропровода, и ушла к себе. А он даже ей вслед посмотреть не осмелился. Стыдно было за свой трюк с подсматриванием. Стыдно и недостойно, потому что не посмотрел, как она уходит, унося с собой его надежду.

Он много раз потом пытался произвести на нее впечатление. Менял туалетную воду, брился, переодевался трижды за день, как дурак, честное слово. Все бесполезно. Лия оставалась к нему равнодушной. Тонкой и холодной, как ее запах. И еще равнодушной.

Кто знает, цитируя Руставели, не себя ли обиженного он имел в виду? Обвиняя ее в равнодушии, не за себя ли пекся?

Все может быть... Все может быть...

Гольцов видел ее последний взгляд, брошенный на его дверь. Видел и в который раз распрощался с глупой своей надеждой на скорое свое выздоровление. Он же болен был, кому же непонятно...

Он стоял у двери довольно долго и, не отрываясь, продолжал таращиться в глазок на лестничную площадку. Будто бы что-то могло измениться оттого, что он смотрит. И оттого еще, что давно озяб в одной футболке и тапках на босу ногу, из двери отчего-то дуло нещадно. И ведь не зима еще, а что зимой станет? Мастера, что ставили ему эту новую дверь, клялись и божились, что сквозняков не будет. А вот поди же ты. Мерзнет же! Это в конце сентября мерзнет. А что зимой будет?

Гольцов вдруг разозлился на себя за глупые пустые мысли, что скакали в голове, подобно блохам на бродячей собаке.

Далась она ему эта зима! Ничего не будет этой зимой! Ни-че-го!!! Ничего, кроме прежней пустоты и одиночества, а еще трусости и жалости к самому себе. Идиот!!! Судьба ему такой шанс давала в образе этой дивной женщины, а он смалодушничал. Попросту облажался и не вышел на лестницу, когда она буйных Кариковых умирала. А ведь хотел выйти. Еще как хотел. И вышел бы, не вспомнись ему события зимы минувшей, что в один миг перечеркнули всю его жизнь, не оставив ничего взамен. Нет, не перечеркнули. Завалили снегом, правильнее сказать. Завьюжили, замели, запорошили, превратили в девственно белую пустыню, по которой ему плестись остаток дней.

Разве струсил бы он, не вспомни, чем ему обошлось его прошлое благородство?! Нет, точно нет. И из квартиры бы вышел. И мало того, к ней за поддержкой уж точно не постучался бы. Сам давно разобрался и с супругами, и с дауном их великовозрастным. А теперь он вынужден трусить. Вынужден дрожать, мерзнуть под дверью и страдать, страдать, страдать от непонятости и невозможности изменить хоть что-то.

Кажется, он повторяется? Да, да, точно, это сегодня уже было: про непонятость и невозможность изменить. Пора было закругляться, и пора было возвращаться в гостиную, где на полную мощность орал второй час телевизор. Пора, пора в диванные подушки. Пристроить ноги на низком столике. Взять в руки кружку с остывшим забытым кофе и прикладываться к нему время от времени. А потом можно было бы поблуждать и по сети. Зайти на ненавистный сайт и... Нет. Туда ему путь заказан. Хватит на сегодня, а то тошнота душевная задушит и поглотит, и на завтра его уже может и не остаться. Или это к лучшему...

Глава 4

Мишаня был верен самому себе. Позвонил с первого этажа и предупредил, что оставил ключи дома. И, не дожидаясь, пока его поднимет лифт, принялся страдать прямо в трубку мобильного.

– Лия, детка, ну вот что ты со мной сделала?! – Это была первая ключевая фраза плача бывшего супруга.

– Что такое, дорогой? – не спросить она не могла, это было бы сочтено равнодушием, а в этом ее уже сегодня обвиняли.

– Жил бы я с тобой и жил, в радости и в горе, и пока смерть не разлучила бы нас... – Это была вторая ключевая фраза Мишани, далее обычно следовали импровизации. – А теперь мне приходится таскать к себе в дом всякий сброд! И эти вонючки, представь себе, считают своим долгом диктовать мне условия! Просить денег на обучение! И еще... Ты представить себе даже не можешь... Они требуют отдыха за границей!

Лия тут же отключила слух. У нее это получалось, и это было здорово. Мишаня стонет, а она отключается. Он жалуется, а она не слышит. Он призывает к сочувствию, она молчаливо кивает. Да ей и сказать ему было нечего. Прав на возгласы типа «а что я тебе говорила...» или «надо было слушать меня раньше» она не имела никаких. Она его оставила, не он ее. И виноватой считала тоже себя, не его. И главное, изменить ничего не могла, хотя он просил.

Мишаня вошел в раскрытую для него дверь. Тут же отключил телефон и небрежным заученным жестом опустил его в карман нового светлого плаща. Плащ шел ему необыкновенно. Потом он неприязненно покосился на пару тапочек, что Лия пододвинула к нему поближе. И через минуту с брезгливой гримасой переобулся. Тут же сбросил ей на руки плащ, кашне и, поддериная повыше к локтям рукава тончайшего шерстяного пуловера, поспешил на кухню. Стало быть, голодный. Лия вздохнула, пристраивая его плащ на плечики. Придется хлопотать с ужином, а ей, если честно, не хотелось. Планировала отдохнуть, позвонить подруге и постараться откреститься от предстоящего торжества. Уж лучше она с утра завтра опять на дачу вернется.

А еще ей очень хотелось успокоиться. Очень! То состояние, в котором она пребывала несколько минут назад, топая и визжа на Кариковых, было истерически неразумным и требовало немедленного самоанализа. А этот ее мысленный плевок в сторону соседской двери!.. Это же вообще черт знает что такое! Так она, пожалуй, и на людей начнет кидаться. И это с ее-то многолетней практикой, педагогической и психологической подготовкой, с ее умением держать ситуацию под контролем.

Сорвалась... Взорвалась... А чего он приперся-то, кто бы сказал?! Чего ему вообще от нее было нужно?!

– Лия, детка, да ты меня не слушаешь вовсе?!

Мишаня уже успел подвязаться ее передником и взять в руки нож для резки сыра. Все остальное требовалось от нее. Ну, там, к примеру, нажарить мяса. Или приготовить рагу овощное. Сошла бы и запеченная птица. Ему же плевать было, что она не может и не хочет сегодня. Это же не он, а она его бросила...

– Извини, дорогой. Тут понимаешь... Снова эти Кариковы... Я, наверное, буду вынуждена переехать.

– Да ты в своем уме?! – ахнул бывший муж и тут же уронил нож на пол, залез кулаками в карманы ее передника и снова повторил: – Ты с ума сошла? Где еще в городе я найду для тебя приличное жильё, если, конечно же, ты не надумала вернуться ко мне?

– Нет!

Это вырвалось у нее слишком поспешно, и Мишаня тут же оскорбленно замолк. А Лия принялась суетиться, бегать от стола к плите и обратно. Что-то резать, поджаривать и говорить, говорить, говорить без умолку.

– Нет, дорогой, возвращаться я не стану. Сам знаешь, про разбитую вазу и все такое... Просто жить тут стало невыносимо. И еще этот угрюмый сосед. Это просто наказание какое-то. Представляешь, пришел ко мне сегодня и...

– Кто пришел?! Димка пришел?

– Ты его знаешь? – Лия удивленно заморгала, уставившись на огромный помидор в руках и совершенно позабыв, что собиралась с ним сделать. Потом подняла глаза на бывшего мужа и осторожно, будто боясь спугнуть, будто говорила с только что пойманным беспризорником, поинтересовалась: – Откуда ты знаешь этого Гольцова? Ты никогда мне не говорил, что вы знакомы.

– А это было важным для тебя, хм-м, странно, я и не подумал. – Мишаня вернулся к столу, уселся поудобнее и, внимательно исследуя свои ногти, проговорил: – Димка Гольцов знаком мне по бизнесу. Мы пересекались. Нормальный был мужик, талантливый в вопросах добывания денег, а потом...

– А потом? – Помидор она все же порезала и сдвинула с деревянной доски в шипящую маслом сковородку.

К бывшему мужу она повернулась спиной, стараясь, чтобы он не уловил ее внезапного интереса.

А интерес, конечно же, возник. Еще бы ему не возникнуть после всего, что случилось сегодня.

Странный угрюмый тип живет в квартире напротив. Почти ни с кем не общается. Женщин к себе не водит. Мужчин, кстати, тоже. Никого у него нет. Никаких привязанностей, кроме желания уязвлять ранимых соседок и встраивать их в чудовищные истории. И тут вдруг оказывается, что у парня имеется талант. Да не какой-нибудь, а талант зарабатывания денег. Лия, конечно же, не предполагала, что этот Гольцов – нищий. Прекрасно знала, сколько стоит трехкомнатная квартира в их доме, а Гольцов жил именно в такой. Но чтобы он был так крут и обеспечен... Нет, не производил он на нее подобного впечатления, хоть умри, не производил.

– А потом с ним произошла какая-то чудовищная история, – медленно проговорил Мишаня. Оставил в покое свои ногти и уставился теперь на ее ноги. – А чего это ты, Лия, без обуви? Ты же не любишь ходить босиком и...

– Мишаня, погоди. Ты сказал, что с Гольцовым произошла какая-то история, так?

Поджаренные помидорные дольки она смахнула деревянной лопаточкой на тарелку, где дожидался своего часа полуфабрикат рыбного филе. Теперь все это нужно было присыпать тертым сыром и на несколько минут в гриль. Причем без лишней суеты и напряженности, чтобы Мишаня, упаси господь, не заметил ее чрезмерной озабоченности. Не объяснять же ему, что она не так давно возненавидела своего соседа и желает теперь узнать о своем враге как можно больше.

Мишаня, расскажи она ему всю правду, начнет лечить, учить, советовать, доведет ее до обморока своим менторским тоном и массой примеров из жизни знаменитостей.

– Сейчас рыбку поджарим... Откроем бутылку вина. Вино станем пить, дорогой? – Про вино она спросила, чтобы окончательно усыпить его бдительность, но Мишаня, как назло, вдруг сделался задумчив и серьезен. – К рыбе полагается белое... О, черт, белого, как назло, нет. Что станем делать?

– Выпьем и красного, не умрем, – проговорил он с легким замешательством, а потом... – Знаешь, Лия, думаю, тебе и правда нужно бы сменить место жительства.

– Да? А что так? Кто представляет для меня большую опасность: Кариковы или Гольцов? Что там с ним не так, а, дорогой?

Она нагнулась к стеклу духового шкафа и сосредоточилась на том, как покрывается румяной корочкой рыбное филе. Сейчас, вот сейчас Мишаня созреет и выложит ей все сам. И ей ничего, ну абсолютно ничего не нужно будет ему рассказывать.

Ее расчет оказался абсолютно верным. Пускай не сразу, пускай не в тот же миг, а спустя лишь полчаса, он все ей рассказал. Под бокал красного вина, под рыбное филе в сырном-помидорной заливке, Мишаня рассказал ей про крах Дмитрия Игоревича Гольцова.

История эта, на ее взгляд, не была банальной, но и не такой, чтобы считаться жизненным крахом. В ее практике случалось и похуже, и ничего, люди выживали и даже пытались потом что-то строить заново.

– И что же, все потом так уж и отвернулись от него? – Лия поставила на стол недопитый бокал с вином и тронула бывшего мужа за рукав тонкого пуловера, – тот в своем рассказе постоянно делал паузы, путался и то и дело возвращался к самому началу.

– Да, отвернулись. Димка тут как раз жениться собирался на дочери одного из влиятельных людей. – Мишаня назвал известную фамилию в их городе. – Так помолвку расторгли. В бизнесе тоже перестали доверять, а если тебе не доверяют, кто станет заключать с тобой какие-то договорные обязательства! Сейчас не время красных пиджаков. Рука, которую ты пожимаешь, заключая сделку, должна быть чистой! Чистой, понимаешь?!

– Да, наверное...

Рассказывать своему бывшему мужу о своих соображениях на этот счет она поостереглась. Пускай пребывает в своей уверенности, а уж она как-нибудь в своей.

– А его руки перестали быть чистыми, Лия! На них сделалось огромное грязное пятно, которое не смыть! – воскликнул Мишаня, как ей показалось, с огорчением.

– Но ты же сказал, что его вроде бы оправдали, – осторожно вставила она, подложила ему еще рыбы и пододвинула ближе блюдо с салатом. – Что это была вроде бы случайность, и он был ни при чем.

– Да! Да, все так и было, но... Это вот самое «но» незримо носилось и носится в воздухе. Никто не захотел иметь с ним дела после всего этого. Он же побывал там!.. – И Мишаня отчего-то потыкал указательным пальцем воздух над своей головой. – Кто доверит ему после этого?! Он мог там опуститься. Сломаться, в конце концов. Его просто-напросто могли завербовать. Понятно тебе?

Она осторожно кивнула, соглашаясь, хотя и не была с ним согласна.

То, что Гольцов попал в нелепую дурацкую ситуацию по своей доверчивости и наивности, она не верила. Не мальчик же, понимал, кто, что и зачем.

То, что его могли очень ловко и удачно подставить, было почти очевидным. Парень был умным, талантливым и достаточно влиятельным на тот момент.

В совершенно стерильные, чистые руки, заключающие сделки, о которых ей с чувством тут заявлял Мишаня, она тоже не верила. Там, где крутятся большие деньги, всегда существовали и будут существовать бои без правил.

Другой вопрос... Другой вопрос, если Гольцова нужно было устранить, не устраняя. То есть убрать с арены действий, оставив при этом в живых. Посадят, нет ли, тут вопрос спорный. А вот что на прежнее место Гольцову не подняться, это стопроцентно.

– Не-еет. – Мишаня даже пальцем ей погрозил, когда Лия изложила ему свои доводы. – Ты неправильно мыслишь, дорогая! Совершенно искаженно! Оно и понятно, столько лет поработать с преступниками... Конечно, по-другому ты мыслить не можешь, но все было не так! Не так!

Она не стала спорить, тут же отключила слух и принялась мыть посуду.

Как там было с Гольцовым в его прежней сытой и беспроблемной жизни, ей стало уже неинтересно. Почти неинтересно... Больше ее интересовало то, как будет в его теперешней. Как он собирается сосуществовать бок о бок с ними со всеми: с ней, с Кариковыми? Оставит

все, как есть? Или... Нет, ей все равно непонятно, зачем он к ней приходил? Совершенно нелогичный, глупый поступок. Даже для обиженного жизнью мужчины глупый. Выяснять, нет?..

Она на мгновение отвлеклась, прислушиваясь к тому, о чем бубнит за ее спиной захмелевший Мишаня. Там было все по-прежнему: бесполезные опустошающие подробности его теперешних романов, обиды на ее неприспособленность к семейной жизни и планы на ближайшие несколько недель. Слушать не стоило, и Лия снова сосредоточилась на мыслях о Гольцове.

Зачем все же он приходил?

Глава 5

Он совсем не понял, с чего это вдруг проснулся посреди ночи. Такого не бывало никогда прежде. Если уж мучается бессонницей, так с самого вечера. С того самого момента, как уляжется на широченную панцирную койку. Таращит глаза в не беленный со смерти жены потолок и все думает, думает, а спать не спит. Ну а уж коли доведется уснуть сразу, то до самого утра глаз не размыкает. До того момента, как корове нужно выходить.

Филипп Иванович осторожно повернулся на бок. Может, помирать он собрался, оттого и проснулся? Может, старая с косой к нему наведальась, да в бок, прежде чем забрать, ткнула. Чтобы он осознал, так сказать, перед самой своей кончиной, что все – пора, собирайся, и так зажился, старый...

Нет, не болело ничего. Сердце пускай по-стариковски, но все еще молотило. Кашель не подступал, перехватывая горло. И в голове было ясно, не давило ни в затылке, ни в висках.

Чего же тогда глаза-то вытаращил посреди ночи?! До коровы еще часа три, не меньше. Он еще лет десять назад научился безошибочно угадывать время без часов. С тех пор ни разу его и не перепутал. Чего тогда не спится? Странно как-то...

Может, за Лийку душа разболелась? Или приснилось что плохое про нее? Да нет, вроде ничего не снилось. Хотя душа за нее всегда болит. Ноет и ноет, проклятая. За жизнь ее не сложившуюся, за маету одинокую. Да за красоту ее невестребованную. И изменить-то он ничего не в силах. Пригрозит так полусерьезно, что в Дом престарелых уйдет, да и только...

С чего же проснулся?..

Филипп Иванович пролежал без сна еще минут двадцать, а потом не выдержал и слез с кровати. Чаю захотелось среди ночи, что за блажь? И не столько чаю, сколько Лийкиных ватрушек. Вот ведь и готовит баба, пальцы скушаешь, а поди же ты, все одна. Он хоть и журит ее временами, но понимает же как никто, что находка она, а не баба. Кто бы еще понял, ох...

Нашарив обрезанные по щиколотку старые валенки, Филипп Иванович вынырнул из-за занавески, что отгораживала его кровать от большой комнаты, и по стеночке на ощупь двинулся к выключателю. Но до выключателя он не добрел, остановился с чего-то и прислушался. Прислушался и похолодел.

Вот что, оказывается, его разбудило-то! Не бессонница, нет. И не старуха с косой, встречи с которой он заждался. Нет, нет и нет. Что-то происходило за стенами его дома. И даже не за стенами, а за одной стеной, что граничила с соседним домом, где Марфа Игумнова жила. И то, что происходило там сейчас, было незнакомым и пугающим.

Никогда, будучи в твердом уме и здоровой памяти, не голосила так соседка посреди ночи. Никогда! Сдержанной была и на язык, и на чувства. Сына даже когда хоронила два года назад, слезы ее никто не видел. Стояла над гробом, будто каменная. А чего же сейчас орет, будто режут ее?

Ах ты, господи ты, боже же мой!!! А ведь, поди, и правда режут!!! Банда-то... Про банду он совсем стариковским своим разумом позабыл. А они, эти преступники малолетние, уже двух старушек, по слухам, убили и пожитки их сожгли, и пытали их перед тем, как убить. Потому, может, и воет Марфа, что пытаются ее?! Воет так, что сатане страшно, чего про живого человека говорить. Воет, стонет, а на помощь не зовет...

А пошел бы он на помощь-то?! Пошел или нет?!

Филипп Иванович вдруг безвольно съезился и съехал по стене, больно стукнувшись сухим задом об пол. И тут же закрыл руками уши, и зажмурился, и головой замотал. И слезы вдруг закипели, зашипели в глубоких морщинах старых выцветших глаз. И стыдно-то как стало, ох, господи!!! Так стыдно, что жить невмоготу. Лучше бы уж сдохнуть ему было прямо сейчас, чем слушать, как Марфу убивают.

А может... Может, и не убивают вовсе, а?! Может, зуб у нее болит, оттого и воет она?! Глянуть бы... Хоть одним глазом, что стыдливо зажмурил.

Великих сил стоило Филиппу Ивановичу подняться с пола. Словно все болячки, что бережно хранило щедедушное старое тело, разом пробудились и набросились на него. И в голове зануло и затюкало. И сердце зашло так, что, казалось, вот-вот еще разок-другой подпрыгнет и остановится точно. Ноги сделались чужими и ватными и поднимать его все никак не хотели. В коленках скрипело, в щиколотках будто по гвоздю кто вогнал, а пятки огнем горели, словно скипидаром смазанные. Наконец вышло. Поднялся он. И даже до окна добрел, и времени, казалось, час прошел. А Марфа все не унималась.

Осторожно тронув выцветшую ситцевую шторку, Филипп Иванович выглянул из окна на улицу. Ничегошеньки не было видно. Темнота кромешная. То звезды тарасились битую неделю так, что спать от их света невозможно было, хоть окно заколачивай. А то ни зги не видать. Темнота да крик этот, рвущий душу на части.

Филипп Иванович подумал минуты три и решительно потянул с гвоздя у притолоки старенький ватник. На улицу он выходить не станет, нет. Боязно очень, нечего бога гневить отговорками. Он выйдет в сенцы и уже оттуда, с крохотного окошка, что слева от двери, посмотрит на Марфин дом. С этого самого оконца ее двор хорошо видно. И двор, и калитку, и крыльцо. Что-нибудь, да рассмотрит.

Не было видно почти ничего. Мельтешение низкорослых теней, да и только. Странно, но с улицы крик Марфы Игумновой был почти не слышен, из сенцев, где Филипп Иванович прильнул носом к стеклу, так и вообще почти ни звука. Ему пришлось даже дверь в хату приоткрыть, чтобы ничего не пропустить. Видимо, общая стена их домов играла такую акустическую шутку, раз он услышал.

Сколько он так стоял и смотрел, он так и не вспомнил потом. То во времени разбирался, не путаясь, а тут, поди же ты... И когда вдруг разом все стихло, объяснить потом не смог. Вой оборвался на высокой ноте, и тишина наступила такая, что в ушах зануло.

Филипп Иванович еще теснее прильнул носом к стеклу. То нещадно отпотевало, и приходилось то и дело его протирать. А это мешало сосредоточиться и напрячь слух и давно ослабевшее зрение. Мелькает кто-то по двору, это точно, что мелькает. Но вот кто?! Может, это у него в глазах рябь такая полосуется от страха. А может, и правда, кто и есть. Чего же Марфа-то не орет больше?! Жива она или нет?!

Он снова и снова вглядывался, вслушивался, протирал стекло и льнул к нему потным лицом. Все оставалось по-прежнему. И потом вдруг в какой-то момент и взметнулось к небу это страшное огненное пламя. Филипп Иванович даже вздрогнул от неожиданности и от стекла отскочил. Задел ногой пустой подойник, и как забыл, что оставил его там – у двери. И от дикого грохота, с которым покатилося по полу пустое оцинкованное ведро, присел, вжав голову в плечи.

Все!!! Он пропал!!! Сейчас эти злодеи непременно ворвутся к нему в дом и тогда... Тогда он уж точно больше ничего не узнает и не увидит. И умирать станет страшно, как Марфа Игумнова за стенкой. Орать, может, и не будет так, как она, но мучиться станет. И даже не это так его заботило, хоть и заставляло трястись и лязгать зубами, сколько то, как все это на его ненаглядной Лийке отразится.

Она же не переживет! Убиваться станет и винить себя, что уехала, бросила его одного. Что не обезопасила, что не предприняла ничего для того, чтобы его оградить, спрятать от беды. Плакать станет, уж точно. И еще чего доброго совсем на себе крест поставит. И думать больше не будет ни о каком замужестве. И это из-за него-то! Из-за старого бесполезного пня, что дрожит в собственном доме, испугавшись смерти. Ему ли смерти бояться, когда она уже давно на его пороге ноги обивает? Э-эх, дурень...

Филипп Иванович рывком распахнул приоткрытую дверь в избу и без опасения щелкнул выключателем. Лампочка на шестьдесят тускло засветила внутри пластмассового шара розового с белым. Сейчас он найдет смешную игрушку, что Лия ему подарила ко дню рождения. И позвонит. Позвонит в милицию и сообщит о страшном крике соседки Марфы Игумновой и о большом пламени, что взметнулось в небо посреди ночи тоже сообщит. И бояться не станет. Чего ему бояться-то на рубеже своей жизни?! Чего? Лийка вот, правда, неприкаянной останется...

Милиция отозвалась сразу. Да так слышно было здорово. Филипп Иванович даже в первое мгновение трубку от уха отнял и посмотрел на нее недоуменно, оттуда слышно-то или нет. Оттуда...

И парень толковым оказался. Не зевал, не плевался и не отсылал его куда подальше. Все быстро узнал, записал и велел не высовываться, пока милиция не приедет. Потом в ухе, в трубке то есть, коротко и тонко запищало. И ему пришлось долго искать ту самую крохотную кнопку, на которую стоило нажать, чтобы этот противный комариный писк прекратился. Нашел и возрадовался. Надо же, он еще и ничего, соображает. Потом подержал какое-то время телефон в руке, раздумывая, звонить Лийке или нет. Вроде и не сообщать нельзя, мало ли что. Вдруг и в ее дом залезли тоже и погромили там все.

А сообщать вроде бы и грешно. Она же минувшим вечером должна была на день рождения к подруге пойти. Вдруг веселье за полночь перевалило? Вдруг ей там повезло, и она сейчас не одна, а с кавалером? А он станет киснуть и жалиться? Нет, не станет. Пускай дочка отдыхает без печалей и тревог. Он как-нибудь один справится. Вон и милиция скоро подъехать обещала.

Милицию Филипп Иванович прождал полтора часа. Полтора часа прошло с тех пор, как на окраине деревни послышался едва различимый звук работающего автомобильного мотора. Воспрянув духом после разговора с толковым дежурным, он постепенно начал терять былую уверенность, и к моменту их приезда снова дрожал осиновым листом. И свет снова выключил. Нет, неправда. Свет он выключил почти сразу после звонка. И снова в сенцы пошел. И стал там опять в темное окошко подглядывать. А ну как в свете костра разглядеть что-нибудь удастся. Это же уже информация...

Информации к моменту прибытия оперативников набралось – кот наплакал. Костер быстро прогорел, и в свете его ничего, кроме прежних теней, видно не было. Преступник хоть и был мал ростом и возрастом, но хитер был, слов нет, хитер. К костру близко не подходил и разговор на повышенных тонах не вел. Ничего... И на старуху случалась проруха. Где-нибудь да прокололись эти стервецы, если, конечно же, они это были. Когда в дверь его дома осторожно постучали, Филипп Иванович был почти уверен, что это милиция...

Глава 6

Ей все же придется тащиться на этот день рождения. С великой неохотой. Через не хочу, но придется. И пыталась ведь откреститься. Начала что-то такое, оправдывающее собственное нежелание, лопотать в телефон после того, как Мишаня соизволил отбыть в свой особняк. И со временем-то у нее проблема. И на даче у нее остался старик без присмотра. И банк ее второй день домогается непонятно с чего.

Ничего не вышло. Света странно помолчала минут пять, а потом принялась всхлипывать. Ну, прямо, как Мишаня.

И не нужна-то она никому, Светлана в смысле. И никто с ней не хочет общаться. И готовилась-то она за месяц загодя. И вообще... Если Лия не придет, Света сочтет, что та ее презирает. Попробовал бы кто-нибудь не пойти после такого вступления! И хотя не терпела подобного нытья, отказаться уже не смогла.

– Что тебе подарить? – прервала она стенания приятельницы минут через десять. – Не люблю глупых бесполезных подарков, так что проси смело. В деньгах я не особо нуждаюсь.

– А мне ничего и не нужно, милая, – вкрадчиво заметила Света, помялась немного и вдруг... – Ты только с сопровождающим приходи. Вот с чем у нас проблемы, так это с кавалерами.

Здрассте, пожалуйста! Начинается...

– У меня с этим, Светлана, проблем никаких. В сопровождении не нуждаюсь и потому...

– Что ты! Что ты!!! Будут все наши.

Под нашими Светлана, оказывается, подразумевала их случайный круг знакомых, благополучно оставленный Лией за бортом жизни еще пять лет назад и почти так же успешно ею подзабытый. Как-то не случилось пересекаться, и все.

– Так вот, ты разве не помнишь, как ревнива Галка?! – Светланин голос сорвался на зловещий фальцет. – Она же за своего Игосю кого хочешь поцарапает. Если в компании будет хоть одна дама без сопровождения, все! Вечер пропадет! Ты непременно должна быть с кавалером, Лия! Непременно. Хочешь, мужа приводи. Правда, я слышала, вы в разводе...

Мужа Лия приводить никак не хотела и сразу по нескольким причинам.

Первая и самая важная была той, что сегодняшнего общения с Мишаней ей хватило на месяц. Вторая, второстепенная, но не менее важная, это то, что ее кичливый Мишаня, с годами обросший толстым брюхом снобизма, не желал общения с себе недостойными. А кем теперь стала Светлана, Лия не знала. Раньше занималась производством то ли булочек, то ли начинки для этих булочек. Или она что-то путает, и это не Светлана, а Галка этим занималась...

Господи, вот на кой черт ей все это, кто бы сказал?! Сидела бы себе в своем крохотном домике за городом. Слушала бы, как с ароматным хрустом раскалывается о землю антоновка. Поила бы соседа чаем с ватрушками, и ни о чем таком не думала бы. Ну, вот где ей взять кавалера на предстоящее торжество?! Хоть за Филиппом Ивановичем в деревню возвращайся. Лия коротко улыбнулась, представив, как входит к Светке в дом под руку с престарелым соседом.

– Все начнут собираться часам к шести. Мы специально пораньше, чтобы времени хватило на все, на все... – здесь Светлана загадочно понизила голос.

А ты стой и думай, что она подразумевает под этим своим «все». Может, оргии устраивать собралась, оттого и должно быть каждой твари по паре.

Ох, как не хочется! Как не хочется ей идти. Сутки, можно сказать, выбросит на ветер. Целый день завтра носиться по магазинам и найти что-нибудь такое в подарок, в чем Светлана непременно нуждалась бы. А вечером пилить через весь город к имениннице на квартиру и торчать там... Ах, да, забыла почти! Самая главная проблема: кавалер, сопровождающий, хахаль, как там еще это теперь называется...

Светлана вскоре простилась, стащив с нее почти вместе с кожей клятвенное заверение, что день рождения она не пропустит. А Лия, сняв с себя одежду, пошла в ванную. Мылась она долго и самозабвенно. И даже не столько мылась, сколько лежала, подставив пальцы ног под мощную струю горячей воды. Лежала и бездумно наблюдала за тем, как разбивается вдрызг вода о ее пальцы и разлетается в разные стороны, брызгая на стены и шторку для душа. Ну, не совсем бездумно, конечно, а с легким раздражением, время от времени возвращаясь к проблеме своего завтрашнего сопровождения.

Почему с раздражением? Да потому, что выходило так, что взять ей с собой было абсолютно некого. Как-то не получилось у нее за минувшие годы завести себе друзей мужского пола. Были сослуживцы, коллеги, родственники, но это все было не то.

С одними беспризорников ловила по подвалам и вокзалам, с другими на корпоративных посиделках шампанское пила, с третьими встречалась все больше по семейным торжествам. А вот такого вот верного друга, о котором часто читала или видела в кино, у нее не было. Не случилось такого мужика в ее жизни, которому могла бы запросто позвонить и пригласить, к примеру, на ужин в ресторан. Чтобы при этом он ничего себе не придумал, не стал карабкаться к ней в постель, и чтобы его жена или подруга (при наличии) не стала его дико ревновать. Ни в ресторан, ни на отдых за городом, ни просто к себе на чашку чая пригласить Лии было совершенно некого. Бардак, да и только! Прав Филипп Иванович: ненормальная она какая-то.

С мужем – приличным, обеспеченным, красивым – жить не стала. Скучно ей, неинтересно, не по характеру...

Любовника – одного-единственного на одинокий субботний вечер и ночь соответственно – не заводила. Непорядочно как-то, считала. Он же знает, что она его любить не станет, зачем же тогда все это...

Друга!.. Просто друга – без секса, без ужимок, без фальши, хитрости и обольщения – и то не было. А опять-таки почему? Потому что всегда пребывала в уверенности, с самой ранней юности пребывала, что не бывает и быть не может искренней, без плотского интереса, дружбы между мужчиной и женщиной. Когда-нибудь... Пускай не сразу, но когда-нибудь, все равно эти отношения перерастут в нечто большее, чем просто дружба. И грудь он твою разглядеть сумеет, и ноги, и глаза необыкновенными покажутся.

Потому и раздражалась сейчас Лия, рассекая мощную струю горячей воды пальцами ног, совсем не заботясь о том, что брызжет на стены. Раздражалась и еще немного злилась на себя.

Что-то с ней, видимо, и правда было не так. Не по-человечески как-то, не традиционно. Она не была фригидной, нет. Лесбиянки вызывали у нее недоумение. Но вот с мужчинами все равно не складывалось. Или не хотелось ей, чтобы складывалось...

Она выбралась из ванной. Высушила волосы феном, тут же скомкав их в рыхлый пучок на затылке. Запахнулась толстым белым халатом и побрела совершенно потерянной в кухню. Наступило время вечернего приема ее любимого коктейля. Лия его самолично взбивала в блендере из половинки киви, одного банана, пятидесяти граммов йогурта и ложки меда. Готовила всегда с упоением и тянула потом из высоченного толстостенного бокала медленно и с наслаждением. А потом укладывалась спать с таким чувством, что она только что сделала своему организму неплохой подарок. И так вечер за вечером. Кто скажет, что она нормальная?..

Ей вдруг расхотелось сегодня готовить свой коктейль. И вообще расхотелось думать о себе, как о правильном и органичном создании, ведущем верный, здоровый образ жизни. Какой, к черту, правильный, если у нее вон даже друга надежного нет?! Одни враги кругом.

Враги... Враги? Черт, а почему нет?! Может, и правда пригласить его – этого угрюмого Гольцова?

Поставив локти на стол, уложив подбородок на сомкнутые в замок ладони, Лия мстительно ухмылялась своему отражению в сверкающей панели огромного холодильника. Мысль,

каким-то чудом заплутавшая в ее мозгах и так некстати выпрыгнувшая на поверхность, нравилась ей все больше и больше.

А почему, собственно, нет?! Почему ей не позвать Гольцова Дмитрия Игоревича с собой на день рождения давней приятельницы Светланы? Потому что он ее враг номер один? Так еще великие полководцы рекомендовали врагов своих держать рядом с собой. А куда же ближе-то?.. Так, так, так... Какие еще могут быть мотивы ее внезапного решения? Лия надолго задумалась, перестав мстительно ухмыляться.

Мотивы, мотивы, мотивы...

Почему она вспомнила именно о нем? Почему?!

Да потому, черт возьми, что его история ее заинтриговала, вот! Его история, а еще больше, пожалуй, его непонятный визит к ней в квартиру. Зачем он пришел?

Что, если... Что, если она ему понравилась как женщина? Бредятина какая-то! Лия коротко хихикнула в тишине собственной кухни, и даже ладошкой рот прикрыла. Придумает же: понравилась она ему! Она, конечно же, может нравиться, спору нет. Далеко не уродина: приятна лицом, опрятна комплекцией и стройна ногами, но...

С чего это ей ему нравится вдруг? После своей чудовищной истории он должен обегать женщин, как глубокой и страшной пропасти, исходящей зловонием неприятностей. Нет, не мог он прийти к ней просто потому, что она ему нравилась. Или мог?..

Ей понадобилось ровно три минуты, чтобы влезть в домашний шелковый костюм, подаренный Мишаней к прошлому Рождеству. Расчесать волосы на прямой пробор, ей так шло, все говорили. Вдеть ноги в домашние туфли на тонком каблучке с изящными меховыми штучками впереди. И позвонить в дверь напротив ее.

Не открывал Гольцов довольно долго. У дверного глазка не топтался, это точно. Она видела сквозной светящийся стержень не загороженный никаким препятствием. Потом стержень вдруг исчез, и Лия поняла, что Гольцов в этот самый момент рассматривает ее. Стоит по ту сторону двери и, малодушно кусая губы, ее рассматривает. Почему-то ей точно казалось, что он трусит. Наверняка решил, что она пришла чинить разборки за то, что он ее не так давно так бессовестно втравил и потом так безжалостно бросил. И еще наверняка стоит сейчас и размышляет: пускать ее или нет к себе в квартиру.

А ну как не откроет, испугалась она, что ей тогда делать? Не в смысле самолюбия, что будет уязвлено его нелюбезностью. А в смысле кавалера на завтрашний вечер, которого она пыталась обрести в его лице.

Гольцов открыл-таки. Открыл, вытаращил на нее темно-серые заспанные глаза и хрипло поинтересовался:

– Что вы хотели, Лия Андреевна?

– Есть разговор. – Так, кажется, начал он, переступив порог ее квартиры. – У вас или у меня?

Соображал он, для человека только что проснувшегося, достаточно быстро. Пробормотал: я шас... Стало быть, все-таки у нее. Прикрыл ненадолго дверь своей квартиры. И через какое-то время она уже усаживала его за свой стол в своей собственной кухне и ставила перед ним чашку только что сваренного кофе.

За то время, что она терпеливо дожидалась его на лестничной клетке, Гольцов успел зачесать назад волосы, натянуть поверх белой майки клетчатую фланелевую рубашу и даже застегнуть ее под самый подбородок.

На Лию он почти не смотрел, стеснительно отводил глаза. Понятное дело, чувствовал себя виноватым.

Зато она рассматривала его совершенно бесстыдно и даже прикидывала на все лады: произведет он или нет впечатление на ее бывших приятельниц? Особенно ей хотелось поразить Галку.

Лия не стала исключением в их компании, и однажды подверглась жесточайшим нападениям с ее стороны, разбуженным необъяснимой ревностью. Помнится, Лия даже оправдывалась тогда с совершенно глупым видом.

А что я-то?! Да при чем тут это-то?! На кой черт мне твой Игося?! И что с того, что его рука не на той талии покоится?..

Глупо было и тошно отметать от себя такие вот нелепые подозрения, тем более что толстый Игося никакими достоинствами, кроме толстого кошелька, не обладал.

Итак, начнем...

Гольцов Дмитрий Игоревич...

Что можно было о нем сказать, если отбросить мелочные обиды и знание его авантюрного прошлого? Привлекателен? Ну... да, привлекателен. Можно даже сказать, очень. Высокий, современному атлетически сложенный. И мускулатура постоянно стимулируется, потому что никакой дряблости незаметно. Наверняка дома тренажер какой-нибудь имеется, а может, и не один. Ишь, ишь, ручищи какие! Мышцы буграми перекатываются по спине и предплечьям...

Портрет лица тоже удался родителям. Ничего лишнего, все классически правильно и приятно глазу. Глаза темно-серые, волосы русые. Скулы высокие, небритые сейчас. Губы, правда, тонкие. Лия не любила тонкогубых, считала их ехидными. Ну да это не факт, этот тип мог оказаться исключением. Мог быть добрым, доверчивым и...

Ладно, сейчас нельзя было отвлекаться. Сейчас нужно было прямо переходить к цели ее вмешательства в его личную жизнь. А она не знала, с чего начинать. Вот беда-то! Она! Тонкой психологической раскладки человек! Способный довести до слез своим проникновенным голосом самого отпетого малолетку, и тут вдруг такой конфуз: слова вязли во рту и с языка не сползали.

– Кофе вы вкусный готовите, Лия Андреевна, – похвалил Гольцов, может быть, просто потому, чтобы больше не молчать, и тут же нетерпеливо ее поторопил: – Был разговор...

И она, конечно же, сказала совсем не то, что хотела. Почему? Кто бы знал! Уселась же за стол напротив него с твердым намерением начать обрабатывать мужика с тем, чтобы завлечь на завтрашнее мероприятие, и тут вдруг как ляпнет:

– Почему вы не вышли? Когда я разносила Кариковых... Почему вы не вышли?

Он оказался готовым к ее вопросу, как ни странно. Ни единый мускул не дрогнул ни на лице, ни под толстыми рукавами его нелепой клетчатой рубахи.

– Вы прекрасно справились сами, Лия Андреевна, – проговорил Гольцов, сузив серые глаза и глянув на нее коротко и строго поверх чашки с кофе. – Если бы вам что-то угрожало, я бы вышел. Но...

– Но вы решили выдвинуть меня щитом, так получается?! – не хотела, да возмутилась, и куда подевалась былая уравновешенность, кто бы подсказал. – Стояли за дверью, сопели в замочную скважину и ждали, когда меня начнут убивать?! Так, что ли?!

– Нет, не так. – Гольцов даже сделал попытку улыбнуться, но снова только растянул тонкогубый рот в разные стороны: некрасиво и неубедительно. – Вы кричали, топали... Мне надо было выйти и начать кричать и топать вместе с вами? К тому же они вас послушались, не причинив никаких телесных увечий.

– Если бы причинили, было бы поздно! – самым обиженным, неожиданным даже для самой нее тоном оборвала она его.

– Я бы не допустил, – коротко обронил Гольцов и вдруг попросил еще кофе.

То ли ему не хотелось уходить так быстро от нее. То ли решил дождаться, пока она успокоится.

Лия вспыхнула и, подскочив со стула, метнулась к кофейнику. Кофе еще не совсем остыл, но стал уже такой температуры, которой она не терпела и которую никогда не предлагала своим гостям. А, да и ладно. Пускай пьет, что имеется.

– Спасибо, – лаконично поблагодарил Гольцов и вдруг уставился на нее и стал совсем уж неприлично ее рассматривать.

Лия мгновенно занервничала. К такому вниманию она была не готова. Она должна была его рассматривать, она! Рассматривать, оценивать и примерять применительно к завтрашней вечеринке. Чего тогда он уставился?..

– Вы очень красивая женщина, – вдруг сказал он, вроде и не к месту. – Почему вы до сих пор одиноки?

– Да вы бестактны! – воскликнула она, снова не в соответствии с собственными намерениями.

Надо бы начинать флиртовать, жеманиться, закатывать глаза и шептать срывающимся голосом что-нибудь такое:

– Ой, спасибо...

или:

– Правда?! Вау!!! Класс!!! А не могли бы вы завтра по такому случаю...

Но Лия Андреевна была по сути своей не кокеткой. Сдержанной была и не жеманной. Может, не мешало бы разбавить ее сухость и сдержанность этой самой жеманностью, кто знает. Может, и не назвал бы ее никто при этом легкомысленной и ветреной, а женственной назвал и даже нежной...

Ну, не умела она женственно и нежно, что делать! А Гольцов, как ни странно, ее едкое замечание пропустил мимо ушей. Улыбнулся чему-то, теперь уже нормально, без вытянутых к ушам губ, а глазами. Повеселели они у него как-то и даже сделались чуть светлее. И сразу сделался таким симпатичным, что у нее даже во рту пересохло. А может, и не из-за улыбки пересохло, а от волнения. К главной теме вечера она ведь так и не перешла, а продолжает ненужные пикировки, которые позитивно на этот счет вряд ли повлияют.

– Я не бестактен, я, может быть, прямолинеен и очень честен, – признался Гольцов все с той же улыбкой одними глазами.

– И еще вы забыли добавить, что очень скромны, – проворчала Лия и почему-то вздохнула.

Определенно этот небритый тип действует на нее неблагоприятно. Зря она вознамерилась брать его с собой на день рождения Светки. Ой, чует сердце, зря. Ничего из этой затеи не получится. Да он, может, еще и откажет ей, этот Гольцов Дмитрий Игоревич. Совсем ведь не факт, что он пойдет с ней, хотя и считает ее очень красивой женщиной. Попробовать или нет?..

– Я все же должен перед вами извиниться. Чувствую себя последним пакостником, – вдруг неожиданно признался ее гость, снова спрятавшись за кружкой с остывшим кофе. – Я не должен был... Не должен был бросать вас, но...

– Но?! – поторопила его Лия, всеми внутренностями чувствуя, что вот сейчас Гольцов ей точно скажет что-то важное и значительное.

Она никогда не ошибалась в таких случаях. И всегда чувствовала, когда ее подопечные готовы были «расколоться» и начать говорить для протокола.

А с детьми ведь так тяжело! Это только одним идиотам кажется, что взрослый преступник много хитрее и изворотливее. Глупо так думать! С детьми невероятно сложно. Просто чудовищно, непередаваемо. И непередаваемо потом душа болит, когда ошиблась в ком-то.

Со взрослыми гадами проще... Там все ясно, там вся мерзость давно заматерела...

А вот когда дите неразумное, одиннадцати лет от роду, смотрит на тебя бирюзовыми, будто небо, чистыми глазницами и врет напропалую и еще тебя при этом последней дурой считает. Да еще потом, сплевывая через щербинку между передними зубами, хвастается своим дружкам, как он сделал тетку из ментовки... И это при всем при том, что и по стационарам с ним таскалась, и кормила с ложки, и пироги ему с яблоками пекла.

Тяжело, паскудно, гадко. Потому и, не выдержав, ушла. Хотя ее оставляли, просили и даже умоляли, зная ее хватку, порядочность и профессионализм. Она же могла мгновенно распознать, один лишь раз ошиблась. А когда обманулась, купившись на прозрачную слезу, скатившуюся по грязной нежной щечке, ее так обожгло, что просто жить расхотелось...

– Вы ведь знакомы с моей историей? – скорее не спросил, а констатировал Дмитрий Игоревич и поднял на нее умные и теперь уже не улыбочивые серые глаза. – И потому должны понимать.

– А с чего это вы решили, что я знакома с какой-то там вашей историей?! – возмутилась притворно Лия, она, если честно, ждала совсем другого вступления. Покаяния она ждала, а не такого вот... – С чего вы решили, Дмитрий Игоревич, что я знакома с подробностями вашей жизни?

– Да потому, что к вам был с визитом ваш бывший муж Михаил Трунин, – терпеливо, с ухмылкой, которая ничего не могла означать, кроме проницательности, проговорил Гольцов. – Вы были немного не в себе и наверняка ему на меня нажаловались. Мерзавец, мол, и трус. А он, чтобы оградить вас, или еще из каких побуждений, уж не знаю, рассказал вам все. Разве не так?

– Почти, – буркнула Лия, разозлившись на себя.

Разозлилась потому, что брякнула это «почти». Ну, не рассказывать же ему было, что сама медленно и планомерно подводила Мишаню к рассказу. Каяться в этом было нельзя. И не злиться было нельзя и на себя, а заодно – за компанию – и на Гольцова. Ишь ты, логик какой! Чего же тогда так лихо попался?..

– Я не сразу таким умником заделался, – вдруг признался он, будто бы только что прочел ее мысли. – Жизнь заставила, знаете ли... Так вот эта самая жизнь сделала меня очень... осторожным, Лия Андреевна. Я ведь хотел выйти к вам, но... Вы так кричали. Привлекли к себе внимание общественности.

– Последствий испугались, – кивнула она. – Понятно, Дмитрий Игоревич. Вам не захотелось светиться и все такое. И тогда, вытекая отсюда, у меня встает вопрос параллельный... Как долго вы станете прятаться в свою раковину?! Год?

– Уже прошел. – Гольцов низко опустил голову.

– Два? Три? Всю жизнь?! Так же нельзя!

– Я не знаю, как можно. Одна надежда была... – проговорил Гольцов невнятно, все так же сидя с опущенной головой. – Одна надежда была на вас.

– На меня?! – Тут уж она удивилась неподдельно, удивилась и с чего непонятно поправила волосы жестом, совершенно ей несвойственным. – И в чем заключалась эта надежда?! Что я могу?!

– Вы можете помочь мне.

– Но как? Каким образом?! Я совершенно не понимаю и потом...

И тут ее кольнуло. Вот он шанс безболезненного перехода к ее истинной цели. Сейчас-то как раз и наступил благословенный момент для приглашения. И Лия решилась. Чуть кашлянула, прочищая горло. Снова поправила волосы, дались они ей. И проговорила:

– Знаете, Дмитрий... Можно я без отчества?

– Валяйте.

Он поднял голову и снова улыбнулся ей одними глазами, сделавшись таким симпатичным, что Лия против воли смешалась и тут же решила: понравится, он непременно понравится ее давним приятельницам, а Галка вообще все локти обкусает.

– Вы не хотели бы сопроводить меня завтрашним вечером в одно место? – начала изда-лека Лия.

– Вас? Куда?! – Гольцов мгновенно напрягся.

Вот дура чертова, попеняла она себе. Стратег тот еще. Разве можно пугливых так пугать? Мало ли что он может подумать!

– Вы ничего такого не думайте, – зашепила Лия, заулыбавшись. – Разговор идет о дне рождения.

– Вашем? – Он немного расслабился, но все еще продолжал смотреть на нее затравленно.

– Нет, что вы! День рождения у моей давней приятельницы Светланы. Мы давно не виделись. А тут она вдруг позвонила и пригласила меня. Я и идти-то не собиралась вовсе... – Она чуть было не сказала ему, что на этом настоял Филипп Иванович, но вовремя спохватилась, Гольцову до ее соседа по даче нет и не может быть никакого дела. – Но Света, она может быть очень настойчивой. Пришлось дать согласие, но тут возникла проблема. И я не знаю, что с этим делать.

Вот уж никогда бы не подумала, что может быть такой непоследовательной и косноязычной. Лопочет что-то. Топчется вокруг да около. А по сути так и не высказалась. Хорошо, что Гольцову приспичило сегодня прослыть проницательным. Он догадливо улыбнулся ей теперь уже одними губами и договорил за нее:

– А вам непременно нужно явиться туда с сопровождающим, так?

– Так! – выдохнула Лия с облегчением.

– А вам никто, кроме меня, не приходит на ум, так?

– Совершенно точно! Кофе еще будете?..

И она вскочила с места и заметалась между столом и кофеваркой, вдруг испугавшись того, что он сейчас откажет. А что? Он ведь может ей отказать. Сослаться на занятость, к примеру. Или промывать что-нибудь нечленораздельное типа: ну что вы, я не могу. Или: разве я могу, что вы.

– Кофе? – Гольцов глянул на нее с заметным недоумением. – Нет, спасибо, кофе не нужно. А насчет дня рождения...

Лия встала как вкопанная с его чашкой и кофейником в руках. И уставилась на него как малолетка на старшеклассника, прослывшего школьной гордостью и красавцем.

Глупость, конечно, несусветная, но ей вдруг показалось, что от его ответа многое зависит. Если он вот сейчас согласится, то, может быть, что-то и изменится в ее такой правильной, рациональной, а по сути своей такой нелепой жизни. А если откажет... Если откажет, снова придется ломать голову над тем, как быть дальше. Ну хотя бы вот даже по поводу кавалера на завтрашний вечер.

– Я согласен пойти с вами, Лия... Можно без отчества?

Было видно – Гольцову согласие давалось нелегко, что-то глубоко внутри него противилось, предостерегало. И идти наперекор этому ему было очень трудно. Может, не нужно было ей его куда вытаскивать? Может, и стоило пойти на поводу у его осторожности, возвращенной за минувший год до колоссальных размеров. Лия ничего не сделала в этом направлении. Она просто непривычно по-женски обрадовалась, тут же начав перебирать в уме, в чем завтра пойдет к Светке.

А Гольцов...

Гольцов снова все про нее понял, вот ведь выучила его жизнь, только удивляться и осталось. Он осторожно спрятал улыбку за ресницами. Задал ей несколько вопросов относительно времени и покупки подарка и, галантно приложившись к ее руке, ушел к себе.

Он ушел, а Лия, оглядевшись, вдруг удивилась странному ощущению пустоты, воцарившейся на ее кухне с его уходом. После Мишани всегда небывалая легкость ощущалась, будто груз с плеч свалила небывалой, неподъемной просто тяжести, а здесь все наоборот. И мысль вдруг мелькнула интересная, что мог бы и остаться. И одергивать себя Лия тут же принялась: остановись и мечтам не предавайся, и не выдумай себе ничего, и не изменилось ничего вовсе, а все равно...

Все равно мечталось и выдумывалось, и вспоминалось еще. Плечи, руки, глаза. Глазам она все же отдала особое предпочтение. Хорошие они у него были, не злые. Тоски на пропасть целую, тоски и одиночества, а вот злости, подлости... Не было этого.

Ишь ты, какой незамысловатый сюжетик закручивается. Он... Она... Что жили по соседству и не думали никогда и не гадали, а судьба распорядилась...

Тщательно вымыв кофейник, чашки и протерев стол специальной салфеткой, Лия выключила свет в кухне и подошла к окну.

За окном распласталась ночь. Низкое сентябрьское небо вольготно улеглось на редких антеннах многоэтажек. Звезды яркими прорехами зияли так низко, что казалось, их можно потрогать. И еще столкнуть одну из них щелчком, и желание успеть загадать, пока звезда улетит за дальнюю линию горизонта. Такое странное желание, от которого сладко щемит сердце и глаза зажмурить хочется.

Блажь все это! Ох, и блажь...

Лия вздохнула, отталкиваясь от низкого подоконника. И пошла стелить постель, ворча себе под нос, будто старуха древняя.

Насочиняла, глупая, семь верст до небес и все лесом! Поверилось ей! Понравилось! И как говорит, и как улыбается, и как смотрит. И про глаза еще, да! Про глаза его тьму-тьмущую насочиняла. И добрые-то, и всякие разные.

Уж ей ли не знать, как с такими вот глазами да подличают! Ее ли не обманывали?! Дура доверчивая! Доверчивая и наивная.

Нет, нужно работу искать. Иначе точно свихнется. Сначала Кариковы. Потом Гольцов.

Нет, вот завтра сходит с ним на день рождения к Светке, и все. Никакого продолжения, никакой утопии, никаких ощущений тепла и легкости в его присутствии. Ничего!!! Запрет на все! Он сам по себе. Она сама по себе. А то, понимаешь, он уже надежды на нее возлагает. Станет она возиться с его одиночеством, как же! Ей своего хватает. Хотя и не одинока она вовсе. У нее вон Филипп Иванович имеется. А еще дом в деревне, который тоже без нее страдает и мучается, и стонет по ночам старым бревенчатым срубом.

Лия зарылась лицом в подушку и крепко зажмурила глаза. Сейчас она досчитает до ста и, бог даст, уснет. А утром... Оно же вечера мудренее. Утром все будет по-другому. Уснуть бы только.

Уснуть все никак не удавалось. И ворочалась, и ворочалась. И одеяло поменяла, засунув тонкое из овечьей шерсти в шкаф, а оттуда достав толстое пуховое. Укуталась в него, пытаясь унять непонятную дрожь, не спасало. Подушки мутузила, взбивая и переворачивая то и дело. Считать принималась, потом послала эту напраслину к черту. И кто придумал, что счет в уме помогает от бессонницы?! Потеха да и только. Потом принялась думать про Филиппа Ивановича и, к ужасу своему, вспомнила, что так ему и не позвонила, а ведь собиралась. Собиралась не потому, что беспокоилась, а скорее, чтобы проверить его готовность к ответу. Обещал же, что станет говорить с ней по телефону? Обещал! Может, и ответил бы на этот раз, а она вот возьми и забудь. Что-то с ней и вправду неладное творится в последнее время. Не разжиться ли у Мишани телефонами его любимых психоаналитиков? Может, они помогут и объяснят причину ее непонятной нервозности, излишней доверчивости и гнетущей бессонницы? Надо будет попробовать. А теперь спать...

Глава 7

Утро началось с неприятного сенсационного открытия: ей совершенно нечего надеть на торжество! Это ей-то?! С ее гардеробом тряпья, ее счетом в банке! С ее стабильным материальным положением! И нечего надеть...

Оказалось, что на этом неприятности не закончились.

Из банка ей все же дозвонились и ошарашили, сообщив, что в результате технического сбоя в системе ее счет временно заблокирован, и снять желаемую сумму она вряд ли сможет в ближайшее время. Что за система у них была такая, что могла дать сбой сразу на несколько дней, ответить ей затруднились. И тут же с невнятной вежливостью поспешили заверить, что как только... и они непременно... и не стоит так волноваться, потому что прецедент, подобный этому... И все в таком же духе.

Она стояла на кровати с непричесанной головой, в ночной сорочке и нетерпеливо тискала телефонную трубку, силясь понять, что только что произошло.

Это первый росчерк черной полосы в ее жизни или что-то другое? Может, так себе, мелкие недоразумения, и только-то?

Во второе хотелось верить куда больше, но предчувствия были нехорошие.

– Вы понимаете, что я загнана в тупик?! – прервала она учтивого оператора. – На что, по-вашему, я должна существовать, пока вы разберетесь со своим сбоем?!

Ей порекомендовали взять кредит!!! Умники!

Она переступала босыми ногами по шелковому пододеяльнику и, пока ей объясняли льготные условия кредитования, лихорадочно прикидывала в уме, сколько у нее осталось наличных.

Не так уж и много. Ерунда, по сути. Она никогда не снимала крупных сумм, за что не раз получала от Мишани нагоняй. На черный день тот всегда советовал держать в доме кубышку. Сейчас, к стыду своему, Лия признала его правоту. Но было несколько поздно вато сокрушаться. Нужно думать, как выйти из этого положения, дурацкого, как ни странно. Укладываясь спать, она считала себя вполне обеспеченной, а проснувшись, по сути, нищей.

Выход из ситуации был один – звонить бывшему мужу и просить в долг.

Лия уже и номер его набрала, и даже три зуммера добросовестно отслушала, когда вдруг взяла и дала отбой.

Не станет она просить у него денег. Мишаня непременно пристанет с расспросами: зачем и куда столько. Придется рассказать, а рассказывать было нельзя, она же Гольцова с собой позвала, не бывшего мужа. Узнай Мишаня, разразится грандиозный скандал. Накануне он предостерегал ее, рассказав историю про запятнанное прошлое Гольцова Дмитрия Игоревича, а она вдруг совершает такую непоследовательную глупость.

Нет, у Мишани брать в долг нельзя. Придется копаться в шкафу и выбирать из того, что имеет. Ох, господи! А подарок?! Нужно было покупать еще и подарок! А на что, простите?!

Лия окончательно сникла. Ей даже завтракать расхотелось. А ведь она всегда, следуя медицинским рекомендациям, завтракала: либо овсянкой, либо яйцами, соком, кофе. Все как положено, все, чтобы полезно.

Поставив чайник на огонь, Лия выглянула в окно.

На улице было солнечно и тепло. Все еще было зелено и выглядело достаточно свежим. Летом прошло много дождей, а для утренних морозов было еще рановато, вот и не спешила листва тускнеть. Да и цветы продолжали полыхать буйным цветом по садам и палисадникам.

В их ухоженном дворике тоже нашлось место для клумбы. И там сейчас рдели крупно-головые георгины и изысканной готикой устремлялись в небо гладиолусы. За клумбой по очереди ухаживали консьержи. Сегодня, видимо, наступила очередь Надин, потому что именно ее

шикарная шевелюра мельтеhalась сейчас среди яркого цветения. И кому еще придет в голову зубоскалить с охранником в будке?! А Надин зубоскалила так, что Лия слышала ее зычный голос сквозь неплотно прикрытую форточку. Слышала и немного завидовала ее беззаботности. У нее вот лично так не получается. Все обязательно и непременно должно быть сложным и запутанным.

Вот не пригласила бы вчера Гольцова, могла бы, терпеливо стиснув зубы, от приглашения и откреститься. Пускай бы Светка пускала слюни пузырями, плевать. Не пошла бы, и все тут. А послала бы цветы с посылным. А теперь как не пойти, коли Гольцов уже в курсе.

Чайник за ее спиной призывно засвистел, выпустив в жерло вытяжки толстую струю пара. Лия заварила чай в глиняной кружке, что пару лет назад, сильно смущаясь, вручил ей на память Филипп Иванович. Достала из жестяной коробки пару длинных рассыпчатых печений и села со всем этим добром к столу. Нужно было заставить себя проглотить хоть что-то. Нельзя же выходить на улицу на пустой желудок. А выходить нужно было, без подарка-то, есть деньги, нет их, на день рождения не придешь.

Она вяло жевала хрустящую на зубах бисквитную крошку, запивала огненным чаем, и раз за разом набирала номер своего соседа по даче.

Все-таки Филипп Иванович, невзирая на обещание, не брал в руки мобильный.

– Вот задам я вам, Филипп Иванович! – выпалила Лия в сердцах и стукнула своим мобильным по столу. – Нельзя же быть таким, в конце концов!

Ему было можно, и он об этом знал и частенько этим пользовался. Пускай негласно, без признаний, но они любили и нуждались друг в друге. Потому он и мог иногда поворчать или покапризничать, а она сделать вид, что обиделась.

Ладно, перезвонит позже. А сейчас нужно собираться и пускаться на поиски подарка, а для начала не мешало бы отревизировать содержимое кошелька.

Она приняла душ, тщательно причесала волосы, оделась и принялась выворачивать все карманы и отделы имеющихся у нее сумок. Искала и чертыхалась. Чертыхалась и искала.

Ну, нельзя же было быть такой недаленовидной! Полторы тысячи рублей, и только-то! Что делать с этими деньгами?! Положить в конверт в качестве презента или купить Светке огромного мохнатого пса? Стыд и срам...

Ее отчаяние накалялось все сильнее с каждой бесплодной попыткой отыскать хоть одну завалящуюся за подкладку сотню долларов.

Ничего не было. И надежды тоже. Истаяла, истлела, испарилась. Спасти ее могло только чудо. Сеть там, к примеру, в банке начала функционировать. Или в кармане ее шубы с прошлой зимы завалялся клад.

Клада не было, в банке снова ответили вежливым отказом, зато Гольцов ее снова удивил. И на этот раз приятно.

Он оловянным солдатиком стоял у нее на пороге, с трудом удерживая в руках два огромных букета.

– Привет, – поздоровался он по-свойски.

– Здравсте, – проговорила она и кивнула для убедительности.

Она так растерялась его визиту, что даже не сразу пригласила в дом, изумленно переводя взгляд с цветов на большую коробку, прислоненную к лестничной решетке. Потом молча посторонилась, пропуская его, и лишь потом спросила:

– Что там?

Палец ее при этом указывал на коробку.

– Там? Там подарок для вашей подруги.

– Цветы тоже ей?

На душе у нее сразу стало светло и покойно. Ну, вот как все хорошо разрешилось. Ей теперь и деньги станут не нужны для подарка. А завтра она непременно укатит на дачу, а там

уж и без денег не пропадет. Там у нее другой клад имеется – Филипп Иванович. Тот много надежнее всех глобальных банковских сетей и счетов, вместе взятых.

– Цветы? – снова переспросил Гольцов. – Этот букет ей, а этот вам... Тебе... Можно на ты?

– Валяй, – с улыбкой напомнила ему Лия вчерашнее разрешение, взяла букет в руки и на всякий случай поинтересовалась. – А это по какому случаю?

– А просто так! – смешливо хмыкнул Гольцов, продолжая топтаться у ее порога. – Был такой мультяшник в моем детстве. Где звери дарили радость друг другу просто так и в этом находили истинное счастье. Или я что-то путаю?

– Был! И в моем детстве тоже! Про зверей не помню, а вот про это самое счастье помню очень даже хорошо. – Лия продолжала улыбаться, прижимая букет к груди. – Про то, которое в том, чтобы дарить его кому-то, делиться, одним словом...

Гольцов посмотрел на нее как-то странно. На высокие, свежевывбритые скулы выползли два бордовых пятна и медленно двинулись по щекам к подбородку. Надо же, наш рыцарь, оказывается, и краснеть умеет. Что же его так смутило?

Гольцов объяснять причину своего смущения не стал. Посидел у нее немного в гостиной, поглазнул в телевизор. От кофе с чаем отказался. Заручился ее заверением быть готовой к семнадцати тридцати и ушел. А Лия все оставшееся до вечера время посвятила тому, что доводила свою красоту до совершенства. Тонирующий бальзам на волосы. Маски на лицо, плечи, руки. Утонченный макияж, укладка, маникюр. В недалеком прошлом она бы непременно наведлась в салон красоты. Лия посещала его уже несколько лет и имела карточку постоянного клиента, и обслуживалась без очереди. Но сегодня... Сегодня она проснулась нищей. Что будет завтра, она пока не знала, но на сегодняшний день ее лишили привилегии отдаться в руки профессионалов.

К половине шестого Лия была полностью готова, и, судя по восторженному блеску в темно-серых глазах соседа, сработала не хуже, чем мастера салона.

Они поехали на ее машине, его показалась слишком уж простоватой для того впечатления, которое она готовила для приятельниц. Ехали, почти не разговаривая. Гольцов ее ни о ком и ни о чем не спрашивал. Она не стала навязывать ему ознакомительный экскурс на предмет того, кто и что из себя представляет, пускай все идет так, как должно идти.

Но, черт побери, все сразу пошло не так. Все буквально!

Когда они вошли в гулкий, пахнущий свежей краской подъезд, Гольцов вдруг сказал:

– Лия, если мне там будет неудобно, я уйду. Ты не обижайся, но я так сделаю.

– Ты хочешь сказать, что оставишь меня там одну, если тебе что-то или кто-то там не понравится?!

Лия, если честно, растерялась. Такого поворота она не ожидала. Рассчитывала на его твердое плечо до самого конца, раз уж он так красиво начал. И потом, что ему там может не понравиться?!

– Мало ли... – туманно пояснил Гольцов, дернув широкими плечами под шикарным светлым пиджаком.

Тогда она еще не понимала, что он имеет в виду. Но когда, переступив порог Светкиной квартиры, наткнулась на возмущенно изумленный взгляд Игоси, поняла все сразу.

Гольцов опасался встречи с теми людьми, что оставили его в одиночестве в его прежней жизни. И опасался, как оказалось, не напрасно.

Игосю, не дав ей опомниться, сдержанно поздоровался с Гольцовым и тут же увлек ее на кухню. Закрыв дверь, для верности привалившись к ней спиной. И зашипел, и зашипел...

– Ты кого сюда приволокла, Лийка?! – возмутился он для начала. – У тебя голова с мозгами на месте или нет?!

Не будь ей так любопытно, она бы мгновенно поставила Игосю на место. По ряду причин. Одной из которых являлась та, что их давнее, полустершееся из ее памяти знакомство не дает ему права говорить с ней в таком тоне. Кто он такой, чтобы учить ее, с кем и куда ходить?!

Но любопытство-то разбирало! Еще как разбирало!

Где, когда, каким образом пересекся Гольцов с этим напыщенным индюком? Что могло связывать их тогда, когда Дима еще был влиятелен и удачлив?

– Я не понимаю тебя, Игорь, – сдержанно ответила Лия и на всякий случай отошла подальше к окну.

Не приведи бог, Галка ворвется и заподозрит их в чем-то запретном, тогда можно смело уходить с намечающегося торжества, не успев переступить порога гостиной, где находился накрытый к ужину стол.

– А че тут понимать?! Это же уголовник!!! Это же Гольцов, я не ошибся?! – зловещим шепотом продолжил Игося.

– Нет, ты не ошибся. Это действительно Гольцов Дмитрий Игоревич.

– Какой к чертям Игоревич?! Это раньше он был Игоревичем, а сейчас он тля болотная! Где ты его откопала, Лийка?!

Игося откинул полу пиджака, извлекая из кармана брюк огромных размеров носовой платок, больше похожий на обеденную салфетку. Живот его при этом некрасиво выперся наружу. И Лия заметила, что две пуговицы на его нежно-голубой рубашке оторваны. И в прореху проглядывает лохматый пупок. Фу, гадость какая! Она поморщилась. Игося между тем вытер вспотевший лоб, скомкал платок и сунул его обратно, заставив ее снова любоваться на свое волосатое брюхо. И этого человека можно ревновать?! Нет, она определенно ничего не смыслит в отношениях полов. И не поймет никогда, как можно прижиматься своей щекой к такой вот щеке, как у Игоши: толстой, вялой, потной. Бр-рр...

– Я откопала его по соседству, Игорь, – ответила она после непродолжительной паузы.

– Как это?! Как это по соседству?! Что ты имеешь в виду?!

Он выкатил на нее водянистые крупные глаза в обрамлении набрякших толстых век, ну жаба жабой, а не мужик. То ли дело Гольцов!

– Он живет в квартире напротив. – Лия сделала нетерпеливый шажок от окна. – Нам не пора? Твоя Галя, она...

– Все в порядке с моей Галей. – Игося отмахнулся от нее вялой, будто безжизненной рукой и тут же задумчиво пробормотал: – Хочешь сказать, что Гольцов купил квартиру на одной площадке с тобой?

– Ага! Или я купила квартиру на одной площадке с Гольцовым! – Лия зло рассмеялась. – Подобная последовательность для тебя что-то меняет, Игорь?! Идем уже!

– Идем, идем... – Он как-то суетливо отпрыгнул от двери, принялся тут же поправлять редкие волосенки на крупной голове, тереть полы пиджака, то ли одергивая, то ли отряхивая, а потом посмотрел на нее со значением и говорит: – Для меня, Лия, это ничего не меняет. А вот для тебя может...

Она забыла о его пророчестве ровно через минуту. Как только вошла в гостиную и увидела бедного Гольцова, отбивающегося от алчных ее приятельниц, так сразу и позабыла.

Дмитрий Игоревич, в буквальном смысле загнанный в угол, смотрел на Светлану с Галкой оторопело и уже с заметным негодованием. А девки, прямо скажем, оборзели. Верещали, вздыхали и все время допрашивали, допрашивали, допрашивали...

Ему еле удалось от них отбиться. А когда удалось, он уже от Лии не отходил ни на шаг. Рядом сидел с ней за праздничным столом. Рядом был, когда все танцевали. Рядом, когда гости принялись дурачиться и затевать всякие двусмысленные игры: начали с фантов, закончили «бутылочкой».

Лия играть в «бутылочку» отказалась наотрез. Стоило ей представить себя целующейся с Игосей, как ее тут же начинал донимать приступ тошноты.

Гольцов тоже играть не стал, отираясь с ней рядом. Был он скучен, безынициативен, и даже ни разу не пригласил ее танцевать, что, признаться, ее немного разочаровало. Она бы станцевала с ним, чего такого-то! Танцевать – не целовать. Но Гольцов не пригласил, и через пару часов их пребывания в гостях принялся нетерпеливо поглядывать на часы.

Лия разозлилась на него и ушла из гостиной в кухню. Там шла шумная возня с намечающимся чаепитием. Из двухметрового холодильника выгрузили огромный, будто телевизор, торт в кремовом розарии. И верещали теперь над ним без умолку, ведя обсуждение, с которого боку его следует начать резать.

Здесь с ее испорченным настроением Лии тоже не было места, и она решила вернуться назад к гостям. Вышла с кухни, прикрыла за собой дверь. Сделала пару шагов в направлении коридора, и тут...

– Что Игорь? Тебе больше всех надо, да?

Этот голос, без сомнения, принадлежал Гольцову. Только сейчас он звучал совершенно иначе. Не так, когда Дмитрий обычно разговаривал с ней. И настолько поразительной была эта перемена, что Лия сразу даже не смогла распознать, чего в этом голосе сейчас было больше: угрозы или ненависти.

Вот уж никогда бы она не подумала, что раздавленный обстоятельствами, одинокий и всеми брошенный Гольцов может кому-нибудь еще и угрожать. А он угрожал, сомнений не было.

– Еще раз увижу тебя рядом с ней, башку твою плешивую откручу, понял?!

Игося отчетливо икнул, а потом еще и еще раз, и все это молча. Бойтся? Наверное... Но от бывшего напора, с которым тот насккакивал на нее, утащив в Светкину кухню, не осталось и следа. Что за дела, интересно?..

– Что ты ей сказал, Гоша?! Быстро и по слогам... Что ты ей сказал?! – с прежним напором зазвучал голос Гольцова после непродолжительной паузы.

И Игося вдруг захрипел и закашлялся. А Лия перепугалась.

Что там, интересно, происходит сейчас? За коридорным углом что: кого-то душат или пытаются убить?!

И она сделала вперед еще несколько шагов, чтобы не продолжать догадываться, а увидеть, убедиться.

Мужчины, будто тайные любовники, мгновенно отпрянули друг от друга. Оба всклокоченные, вспотевшие, с багровыми лицами. Пиджак у Игоси сполз с толстых плеч. Рубашка в том месте, где на ней отсутствовали пуговицы, разъехалась, выставив на обозрение нагое некрасивое тело. Гольцов в сравнении с ним безусловно выигрывал. Если не считать надорванного кармана на пиджаке да покрасневшейся физиономии, то он почти не пострадал.

– Вы что же, дрались здесь? – Лия подбоченилась, нахмурившись, и посмотрела на них холодно и зло, как обычно смотрела на подопечную шпану. – Или тайной страсти предавались? Отвечать!

Гольцов, надо отдать ему должное, даже и бровью не повел. Отвернулся, ссутулился и через минуту растворился в дверном проеме гостиной. А Игося, стоило Дмитрию Игоревичу исчезнуть, вдруг жалобно всхлипнул. Поднял на Лию несчастные глаза и, судорожно поправляя на себе одежду, прошептал сдавленно:

– Я же говорил тебе! Предостерегал!.. Зачем ты его сюда привела?! Зачем?! Он страшный, опасный человек!

– И чем же он опасен? – Лия недоверчиво сморщилась.

Игосе она не особенно верила, тот хоть и не слыл вруном, но приукрасить что-либо, сгустить краски было его коньком.

Чем мог быть опасен Гольцов, она не представляла. Мишаня во всех подробностях рассказал ей его историю. И она не усмотрела в ней ничего такого, что могло бы навредить ей каким-то образом. Ей случалось соприкасаться и с куда более серьезными обстоятельствами. Ничего, уцелела. Чего же тогда Игося стонет?..

– Ну! Чего молчишь, Игорь? Чем Гольцов может быть мне опасен? – поторопила она его с ответом, да еще и немилосердно стукнула его по жирной спине между лопаток. – Говори! Что такого знаешь ты, чего я не знаю?!

Игося молчал непозволительно долго. Из гостиной уже начали выглядывать любопытные. Из кухни мимо них успели пронести торт, и гвалт теперь за столом поднялся невообразимый. Сейчас кто-нибудь, Галка его, например, обязательно вспомнит о них, и тогда все. Тогда она уже никогда не узнает, что Игося имел в виду. Встречаться с ним где-то совершенно не входило в ее планы. Да у нее и координат его никаких не было. А начни узнавать у Светки, та тут же начнет задавать вопросы. А то еще, чего доброго, Галке ее сдаст по-свойски. А оно ей нужно?..

– Его оправдали, если я осведомлена достаточно точно, – чуть мягче произнесла Лия, зашла с другого бока и, преодолевая брезгливость, осторожно подняла его лицо за подбородок. – Ну, Игорек! Чего молчим? И даже не оправдали, а выпустили из-под стражи, не доведя дело до суда. Так ведь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.